

На правах рукописи

ГОЛОВУШКИН ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

**ФЕНОМЕН ОБНОВЛЕНЧЕСТВА В РУССКОМ ПРАВОСЛАВИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

Специальность 09.00.14. Философия религии и религиоведение

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Санкт-Петербург – 2020

Работа выполнена на кафедре истории религий и теологии в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Официальные оппоненты:

Аринин Евгений Игоревич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Лебедев Владимир Юрьевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теологии Института педагогического образования и социальных технологий ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет»

Одинцов Михаил Иванович, доктор исторических наук, профессор, главный специалист центра документальных публикаций ФКУ «Российский государственный архив социально-политической истории»

Ведущая организация:

ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Защита состоится 13 мая 2020 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 800.009.01 при Государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина по адресу: 196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина и на официальном сайте университета по адресу: <http://lengu.ru/download/58068>

Автореферат разослан « _____ » _____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Т.С. Пронина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В центре данного диссертационного исследования стоит вопрос: что есть русское православное обновленчество, который в свою очередь выводит на ряд проблем, касающихся в целом генезиса, природы и путей развития русского православного реформаторства. Даже беглый взгляд на его историю, особенно на события первой четверти XX века, позволяет увидеть одну очень важную закономерность. Это «актуализация проблемы проведения религиозных реформ по мере разворачивания процессов социальной модернизации – инициирование государством религиозных реформ с целью укрепления собственного положения – раскол церкви и общества по вопросу путей проведения религиозных реформ – ослабление церкви и общества по итогам раскола и срыва необходимых религиозных реформ – усиление власти государства, освободившегося из-под контроля церкви и общества»¹. Другими словами, каждый раз в ключевые моменты российской истории, когда определялся дальнейший путь цивилизационного развития страны, мы наблюдаем срыв или незавершенность религиозных реформ, дискредитацию самой идеи реформирования церкви и как следствие – победу архаизации.

Чтобы разобраться в причинах повторения подобного сценария, как и судьбы самого обновленчества, не достаточно будет ограничиться каким-либо одним подходом: историческим, философским, культурологическим и др. Необходимо междисциплинарное исследование, охватывающее сразу несколько аспектов проблемы. Это и входит в задачи религиоведения, как комплексной отрасли социогуманитарного знания, включающей в себя философию религии, социологию религии, психологию религии, феноменологию религии, историю религии и др., которая формирует «знания, являющиеся отражением значимых связей религии в жизнедеятельности религиозных индивидов, групп, институтов, организаций..., знания, важные для познания определенных религиозных процессов»².

¹ Головушкин Д.А. Теократический проект русского старообрядчества середины XVII века и православного обновленчества начала XX века: социальная утопия или цивилизационная альтернатива? // Философия и культура. – 2015. – № 12. – С. 1782.

² Яблоков И.Н. Самоидентификация религиоведения в современной России. К дискуссии в отечественной литературе // «Религиозная Жизнь» – религиоведческий интернет-портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://religious-life.ru/2014/10/yablokov-samoidentifikatsiya-religiovedeniya-v-sovremennoy-rossii-k-diskussii-v-otechestvennoy-literature/> (Дата обращения: 27.06.2019).

Хотя дискуссия о строении отечественного религиоведения, его предмете, методологии и др. продолжается, только при таком подходе можно приблизиться к решению основных проблем, связанных с изучением феномена обновленчества в русском православии, в том числе связанных с «неразработанностью методов исследования и терминологической небрежностью»³. Как подчеркнула в одном из своих интервью профессор О.Ю. Васильева, «мы сейчас знаем только маленькую часть того, что было с нашей Церковью в XX веке»⁴, чтобы игнорировать эти вызовы и задачи.

Рубеж XX – XXI вв. является для России также своего рода линией трансформационного разлома. Изменения в политической и социально-экономической жизни, в сфере культуры и образе мышления, неизбежно актуализируют вопрос о том, каковым должно быть отношение к этим процессам со стороны одной из ведущих конфессий страны – Русской православной церкви. Должна ли она приспособливаться к современности или, напротив, сама способна влиять на общественное развитие? История христианства, а применительно к России, история русского православия доказывают, что однозначного подхода к разрешению этой дилеммы не существует. Сложные отношения между церковью, государством и обществом, определяются тонкой диалектикой, поиском взаимосогласования и гармонизации их жизни. Одно не должно подчинять или подчиняться другому, но должно реагировать на общие изменения и нести свой ответ. Вследствие этого Русская церковь должна быть способной осмыслить современное общественное развитие и выработать по отношению к нему свою позицию, а также иметь эффективные инструменты для диалога и взаимодействия с властью и обществом. В противном случае перед ней возникает угроза / перспектива архаизации, политизации, бюрократизации и новых расколов, сдерживаемых лишь благодаря административному, в т.ч. государственному ресурсу.

Решить эти задачи, найти ответы и решения на новые внутренние и внешние вызовы позволяют религиозные реформы. Очевидно, что, если церковь берет на себя не только мировоззренческие функции, но и функции

³ Прилуцкий А.М. Современное российское религиоведение: вызовы и перспективы институционализации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2016. – № 1. – С. 115.

⁴ Васильева О.Ю. «Мы сейчас знаем только маленькую часть того, что было с нашей Церковью в XX веке» // Religare [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.religare.ru/2_66441.html (Дата обращения: 12.09.2019).

социально-политического и культурологического характера, она вынуждена реформироваться, меняться. И от того, как будут соотноситься процессы, происходящие в социальной и религиозной сфере, будет зависеть «успех или неуспех модернизации, формат зарождающейся социокультурной общности, а также характер связей, возникающих между государством, обществом и индивидом»⁵.

В связи с этим опыт изучения истории, теории и практики русского православного обновленчества первой половины XX века имеет особую актуальность. Он позволит увидеть и понять: 1) насколько обусловлены и взаимосвязаны процессы политического, социально-экономического развития и религиозного обновления; 2) каковы могут быть стратегии реализации религиозных реформ; 3) насколько характер и динамика религиозного обновления зависят от социокультурной динамики и общественно-политических процессов; 4) как государство может влиять на процессы религиозного обновления и выстраивать свою политику в отношении религиозно-реформаторских движений; 5) что может служить препятствием или напротив способствовать интеграции религиозно-реформаторских идей в общественное и церковное сознание; 6) каковы могут быть последствия дисбаланса между религиозным обновлением, социально-экономическим и политическим развитием; 7) какова цена сворачивания или срывов религиозных реформ для религиозных институтов и общества; 8) к чему может привести несовпадение или несовместимость модернизационных траекторий общества и религии. Кроме того, деятельность религиозных реформаторов / оппозиции всегда воздействует на официальную церковь, и она зачастую только делает вид, что реформы исходят от тех, кто ушел в раскол, прежде чем официально признать их необходимость.

Другими словами, *исторический путь и реформаторский опыт русского православного обновленчества может существенно помочь приблизиться к пониманию парадигмы русского православного реформаторства первой половины XX века, служить основанием для возобновляемой рефлексии по вопросу его генезиса, содержания и внешних форм в прошлом, настоящем и будущем.*

⁵ Головушкин Д.А. Религиозное обновление в русском религиозно-философском дискурсе начала XX века // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2016. – Т. 17. – № 4. – С. 255.

Степень научной разработанности проблемы. Вопросы, «связанные с возникновением и деятельностью внутрицерковной оппозиции, традиционно являются предметом острых споров, в которых сталкиваются не только различные научные подходы, но и интересы влиятельных и укорененных в общественном сознании религиозных организаций. В истории русского православия XX века таким “камнем преткновения” выступает обновленчество. ... Многогранность данного феномена, с одной стороны, существенно расширяет круг проблем, связанных с изучением его истории и идейных исканий; с другой стороны, она создает мотив для вычленения наиболее видимых и частных вопросов, актуальных для конкретного исторического времени»⁶.

В целом, исследования, посвященные феномену обновленчества в русском православии первой половины XX века условно можно разделить на две большие группы: философско-религиоведческие исследования и исторические исследования, которые в свою очередь распадаются на несколько направлений.

1. Философско-религиоведческие исследования.

а) Работы, посвященные генезису и природе русского православного обновленчества начала XX века. К этой группе следует отнести труды дореволюционных исследователей В.А. Соколова, С.В. Троицкого, П.А. Прокошева, И.Д. Холопова, которые задали проблему обновленчества в координатах: модификация религиозного модернизма⁷ / последовательное самоопределение религии, исключающее «всякий внезапный перерыв и всякий решительный разрыв с религиозной традицией»⁸.

В дальнейшем традиция осмысления обновленчества начала XX века сквозь призму дихотомии «самобытность – заимствование», получила развитие и в трудах советских ученых – Н.С. Гордиенко, П.К. Курочкина, В.М. Андреева, которые идентифицировали его в качестве «модернизма»⁹ и не считали явлением «чисто национальным»¹⁰.

⁶ Головушкин Д.А. Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века. – СПб., 2009. – С. 9.

⁷ См.: Троицкий С.В. Что такое модернизм: Энциклика Пия X «Pascendi Dominici gregis» и её значение. – СПб., 1908; Соколов В. Модернизм в Римско-католической и в нашей православно-русской Церкви. – Сергиев Посад, 1908; Прокошев П.А. Религиозный кризис на западе Европы: (Модернизм). – Томск, 1911.

⁸ Холопов И. Идеология церковной реформы. – Киев, 1916. – С. 8.

⁹ См.: Гордиенко Н.С., Курочкин П.К. Либерально-обновленческое движение в русском православии начала XX века // Вопросы научного атеизма. – Выпуск 7. – М., 1969. – С. 337.

¹⁰ Андреев В.М. Либерально-обновленческое движение в Русском православии начала XX века и его идеология: Дис. ... канд. философ. наук. – Л., 1972. – С. 9.

В 1990-е годы осмысление обновленчества протекало в полемике между сторонниками (О.В. Останина) и противниками (И.В. Симонов) его разделения на обновителей – возрожденцев и реформаторов – проводников православной реформации, каковыми виделись христианские социалисты¹¹. Примирение в этот спор внесли сами исследователи христианского социализма – В.И. Кейдан, Ю. Шерер, которые нашли мужество отказаться от заимствованного из западной политической жизни термина «христианский социализм»¹², назвав программу обновленцев «социальным христианством»¹³.

В 2000-е гг. проблема обновленчества в теоретическом плане была выведена на новый уровень. Автором научной концепции русского реформационного процесса В.Д. Жукоцкий был сформулирован вопрос: не является ли оно специфической формой «русской реформации» – реакцией со стороны церкви на русский духовный ренессанс, на расцвет светской культуры в начале XX века?¹⁴ Поиски новых подходов привели также к тому, что некоторые современные ученые заговорили о необходимости изучения обновленчества в сравнении и связке с другим крупнейшим православным религиозно-реформаторским движением – старообрядчеством¹⁵.

Вопрос о природе и сущности русского православного обновленчества начала XX века затрагивался также в трудах православных богословов и представителей церковно-исторической науки¹⁶. В центре их внимания стоит проблема идейной связи обновленчества с «новым религиозным сознанием», тема «обмирщения церкви» и стремление к разграничению «движения обновления» и обновленчества.

¹¹ См.: Останина О.В. Обновленчество и реформаторство в Российской православной церкви в начале XX века: Дис. ... канд. философ. наук. – Л., 1991; Симонов И.В. Анализ особенностей социально-идеологической деятельности Русской Православной церкви в начале XX века. Дис. ... канд. философ. наук. – Л., 1993.

¹² См.: Шерер Ю. В поисках «христианского социализма» в России // Вопросы философии. – 2000. – № 12. – С. 88 – 134.

¹³ См.: Кейдан В. На путях к граду земному // Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. – М., 1997. – С. 14 – 16.

¹⁴ Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Реформация как универсалия культуры: переключки эпох и поколений // Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века: статьи по культурфилософии советизма. – М., 2008. – С. 47.

¹⁵ См.: Дзюбенко М. Старообрядчество и церковное обновление // Живое предание: материалы Международной богословской конференции, Москва, октябрь 1997 г. / подгот.: ред. Евгения Крестьянинова и др. – М., 1999. – С. 196, 208; Головушкин Д.А. Понятие «Живая церковь»: к вопросу о происхождении, интерпретациях и смысле // Религиоведение. – 2015. – № 2. – С. 46.

¹⁶ См.: Балакшина Ю.В. Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников, 1903 – 1907): Документальная история и культурный контекст. – М., 2014; Воронцова И.В. Русское общество и Русская Церковь 1900 – 1920-х гг.: «от нового религиозного сознания» к обновленчеству // Русский сборник: Исследования по истории России. – Т. XIV. – М., 2013. – С. 308 – 351; Ореханов Г., диакон. Генезис русского церковного реформаторства (1905 – 1906 гг.) // Богословский сборник Свято-Тихоновского православного богословского института. – 1999. – № 4. – С. 294 – 302 и др.

б) *Работы, посвященные проблемам идейного развития обновленчества в советский период отечественной истории.* Первой и наиболее серьезной попыткой теоретического осмысления обновленчества 1920-х гг. (как впрочем, и способом саморефлексии и апологетики) стали работы видного идеолога обновленческого движения, церковного историка Б.В. Титлинова. Он попытался ответить на один из самых сложных и дискуссионных вопросов того времени, что представляло собой обновленчество 1920-х гг., реформацию или революцию, и пришел к заключению – это русская «реформация в потенции»¹⁷.

В послевоенное время религиозоведческие работы по обновленчеству появляются только в конце 1960-х гг. К их числу, прежде всего, относятся многочисленные труды советского и российского ученого-религиоведа Н.С. Гордиенко¹⁸. Сформулированная им формула «обновленчество – религиозный модернизм – приспособление религии» в 1970 – 1980-е гг. стала своего рода алгоритмом для понимания места обновленчества в эволюции Русской православной церкви. Она получила развитие в исследованиях М.П. Новикова¹⁹, П.К. Курочкина²⁰, М.А. Куцей²¹, которые оформили теорию модернизации современного русского православия.

К числу наиболее заметных теоретических работ по обновленчеству, вышедших в середине 1990-х гг., необходимо отнести статью новосибирского ученого Е.А. Тюгашева. Он рассматривает обновленческий раскол, в том числе, как результат столкновения различных интерпретаций «основ» православного христианства²².

В работе В.М. Уляхина, посвященной православному фундаментализму, обновленчество впервые представлено в качестве модификации религиозного фундаментализма. Автор полагает, что «главный узел обновленческой идеологии» заключался в естественной политизации фундаментализма²³.

¹⁷ См.: Титлинов Б.В. Новая церковь. – Пг. – М., 1923. – С. 29, 30, 35, 40.

¹⁸ См.: Гордиенко Н.С. Эволюция современного русского православия. – М., 1971; Гордиенко Н.С. Критика новых тенденций современного православия. – М., 1974; Гордиенко Н.С. Эволюция русского православия (20 – 80-е годы XX столетия). – М., 1984 и др.

¹⁹ См.: Новиков М.П. Современный религиозный модернизм. – М., 1973; Новиков М.П. Тупики православного модернизма: (Критический анализ богословия XX в.). – М., 1979 и др.

²⁰ См.: Курочкин П.К., Социальная позиция русского православия. – М., 1969; Курочкин П.К. Эволюция современного русского православия. – М., 1971 и др.

²¹ См.: Куца М.А. Место обновленческого движения в эволюции Русской православной церкви: Дис. ... канд. философ. наук. – СПб., 1993.

²² См.: Тюгашев Е.А. Православная реформация в России: социокультурный подход // Современные интерпретации социокультурных процессов. – Кемерово, 1994. – С. 152 – 165.

²³ См.: Уляхин В.Н. Фундаментализм в православии: теория и практика // Фундаментализм. – М., 2006. – С. 127 – 164.

2. Исторические исследования.

а) *Работы, посвященные истории возникновения и развития русского православного обновленчества в начале XX века.* Крупные исторические исследования обновленчества начала XX века начинают появляться только с 1990-х гг. по мере осознания важности и самостоятельности проблемы. Первенство, несомненно, принадлежит петербургскому историку С.Л. Фирсову²⁴. Заслуживает внимания общая рефлексия ученого относительно уровня и состояния современных исследований феномена обновленчества, оценка его исторического опыта.

Знаменательным событием для всех тех, кто интересуется историей русского православного обновленчества начала XX века, стал выход в свет монографии Ю.В. Балакшиной²⁵. В отличие от других исследователей автор акцентирует свое внимание на необходимости глубокого понимания культурного контекста, в котором возникло и осуществило себя движение за церковное обновление. Она подчеркивает, что помимо противоречий, возникавших между церковью и образованным обществом исключительно на русской почве, важно осознание степени влияния на внутрицерковные процессы новоевропейской культуры, поставившей во главу угла идею постоянного развития и прогресса.

б) *Работы по истории обновленчества советского периода.* Первые оценки обновленчеству и обновленческому расколу 1920-х гг., были даны учеными и богословами из русской эмиграции. В массе своей они сходились во мнении, что «смута в церкви» была организована большевиками, которые использовали в своей антицерковной политике давние разногласия между белым и черным духовенством²⁶.

В работах известного историка А.Э. Краснова, вышедших за рубежом в 1970-е гг., советский период обновленчества оценивался как «карикатура» на

²⁴ См.: Фирсов С.Л. Православная Церковь в последнее десятилетие существования самодержавия в России. – СПб., 1996; Он же. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – М., 2002; Он же. «Обновление» Русской церкви в конце XIX – начале XX вв. К постановке проблемы // Религия и гражданское общество: проблема толерантности. Материалы Круглого стола (16 ноября 2002). – СПб., 2003. – С. 54 – 58 и др.

²⁵ См.: Балакшина Ю.В. Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников, 1903 – 1907): Документальная история и культурный контекст. – М., 2014.

²⁶ См.: Стратонов И. Русская церковная смута (1921 – 1931). – Берлин, 1932; Тальберг Н.Д. Церковный раскол. – Париж, 1927; Троицкий С.В. «Что такое «Живая Церковь» // Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / Сост. И.В. Соловьев. – М., 2002. – С. 65 – 128; Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // Там же. – С. 129 – 606 и др.

подлинное обновление²⁷. Исследователь считает, что отказ от «смелых литургических и канонических реформ» лишил обновленчество шанса стать «малочисленным, но влиятельным своеобразным течением»²⁸.

В это же время, советскими историками обновленчество 1920-х гг., напротив, расценивалось как расцвет русского православного реформаторства первой половины XX века²⁹.

Фактически, это противопоставление дореволюционного и постреволюционного периода в истории обновленчества предопределило основные акценты и тенденции в постсоветской историографии.

Большая группа современных историков, к числу которых относятся протоиерей В. Цыпин³⁰, известный петербургский исследователь М.В. Шкаровский³¹, а также И.В. Воронцова³², считает, что обновленчество начала XX века и обновленчество 1920-х гг. глубоко взаимосвязанные феномены, хотя и имеющие важные отличия.

Другая группа историков – Д.В. Поспеловский³³, А.Г. Кравецкий³⁴, И.В. Соловьев³⁵, напротив, проводят четкую границу между дореволюционным обновленчеством и обновленчеством 1920-х гг., определяя в качестве водораздела Поместный Собор 1917 – 1918 гг., который, согласно заключению И.В. Соловьева, олицетворяет собой «подлинное дело церковного обновления»³⁶.

²⁷ См.: Краснов-Левитин А.Э. «Рук Твоих жар»: 1941 – 1956. – Тель-Авив, 1971. – С. 124.

²⁸ См.: Краснов-Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. – М., 1996. – С. 647 – 648.

²⁹ Трифонов И.Я. Раскол в Русской православной церкви (1922 – 1925 гг.) // Вопросы истории. – 1972. – № 5. – С. 64 – 77; Шейнман М.М. Обновленческое течение в русской православной церкви после октября // Вопросы научного атеизма. Вып. 2. Модернизация религии в современных условиях. – М., 1966. – С. 41 – 64; Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. – Казань, 1970 и др.

³⁰ См.: Цыпин В., протоиерей. Обновленчество. Раскол и его предыстория // Сети «обновленного православия»: Сборник. – М., 1995. – С. 6 – 102 и др.

³¹ См.: Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века. – СПб., 1999 и др.

³² См.: Воронцова И.В. Религиозно-философские истоки «обновленческого раскола» (1917 – 1923 гг.) // Новый исторический вестник. – 2007. – № 2 (16). – С. 112 – 119. Воронцова И.В. Л.Д. Троцкий как стратег обновленческой реформации // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2009. – № 4 (33). – С. 51 – 62 и др.

³³ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М., 1995. – С. 102.

³⁴ См.: Кравецкий А.Г. К предыстории обновленческой смуты (Записка прот. В.Д. Красницкого «О направлении политики советской власти в отношении Православной Церкви») // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. – М., 2000. – Вып. 6. – С. 51 – 72; Кравецкий А.Г. Когда же началась обновленческая смута // X Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: материалы. – М., 2000. – С. 345, 346, 347.

³⁵ См.: Соловьев И.В. Краткая история т.н. «обновленческого раскола» в Православной Российской Церкви в свете новых опубликованных исторических источников // «Обновленческий» раскол. Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / Сост. И.В. Соловьев. – М., 2002. – С. 3 – 24 и др.

³⁶ Там же. – С. 24.

Отдельный комплекс составляют исследования, касающиеся проблемы места и роли обновленчества / обновленческого раскола в антицерковной политике советского государства.

Одними из первых к этой теме обратились В.А. Алексеев и О.Ю. Васильева, которые документально доказали факт участия советских антирелигиозных структур в организации обновленческого раскола³⁷.

Проблема взаимоотношений обновленческой церкви с советским государством нашла отражение в многочисленных трудах М.И. Одинцова³⁸. По мнению ученого, организация властями обновленческого раскола преследовала одновременно две цели: разрушение Русской православной церкви как института и формирование «советской церкви». Этот вывод во многом созвучен с оценкой западных историков Дьюка Дж. Куртиса³⁹ и Э. Рослофа⁴⁰.

В начале 2000-х гг. проблема взаимосвязей и взаимообусловленности обновленческого раскола и антирелигиозной политики советского государства активно разрабатывалась Ю.Н. Макаровым, А.С. Степановым, С.Г. Петровым, С.П. Шестаковым. Значительный вклад в разработку проблемы внес историк В.В. Лобанов. Сегодня активно изучается обновленчество за рубежом, его взаимоотношения с Константинопольским патриархатом, региональное измерение, жизнь и творчество обновленческих лидеров.

Тем не менее, несмотря на наличие данного массива исследований, феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века по-прежнему представляет собой значительный комплекс проблем, открытых для исследований и пересмотра. Применительно к сегодняшнему дню трудно говорить о наличии четко сформулированной концепции и теоретического обоснования в понимании русского православного обновленчества первой половины XX века. Недостаточно изученными остаются его природа и сущность, предлагаемые обновленческим движением модели взаимодействия церкви, государства и общества, а также роль обновленческой реформации в общественно-политическом развитии страны. Поэтому его изучение, в первую

³⁷ См.: Алексеев В.А. Иллюзии и догмы: Взаимоотношения Советского государства и религии. – М., 1991; Васильева О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917 – 1927 годах // Вопросы истории. – 1993. – № 8. – С. 40 – 54 и др.

³⁸ См.: Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. – М., 1994; Он же. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. – М., 2002 и др.

³⁹ См.: Curtiss J.S. The Russian Church and the Soviet State. 1917 – 1950. – Boston, 1953. – P. 153.

⁴⁰ См.: Roslof E.E. Red Priests: Renovationism, Russian Orthodoxy and Revolution, 1905 – 1946. – Bloomington: Indiana University Press, 2002. – P. 3.

очередь, связано с проблемой подходов, с определением теоретико-методологической базы исследования.

Анализ существующей исследовательской литературы также вынуждает констатировать, что понимание истории и идейной специфики русского православного обновленчества очень сильно зависит от общественно-политического и культурного контекста. Поэтому системы аргументации в научной литературе изменяются не только в зависимости от поставленных целей и задач, привлекаемых источников и используемых подходов, но и от идейных / идеологических предпочтений. В силу этого, дискурс обновленчества нередко обходит стороной многие ключевые вопросы, без раскрытия которых невозможно его комплексное осмысление, либо напротив сосредоточен на темах, которые могут иметь инструментальное значение.

Во-первых, понятие «обновленчество» сегодня все чаще и чаще подвергается сужению, а следовательно, не решается проблема определения основных интегрирующих признаков и черт данного феномена, нет движения к развернутому определению понятия «обновленчество».

Во-вторых, по-прежнему не решен комплекс вопросов, связанных с идентификацией и концептуализацией обновленчества. Как оно соотносится с феноменом религиозного обновления? Является ли обновленчество его выражением, и что конкретно объединяет эти феномены? На основании каких критериев / признаков обновленчество можно считать самобытным явлением или напротив лишь отголоском процессов, происходящих в начале XX века в западном христианстве? Для их разрешения требуется понять связи и степень соответствия обновленчества религиозному модернизму и религиозному фундаментализму, реформации / Реформации.

В-третьих, на фоне научной непредвзятости, а в некоторых случаях и идеализации обновленческого движения начала XX века, отмечается ярко выраженная тенденция к упрощению и демонизации обновленчества советского периода. Создается впечатление, что обновленчество 1920-х гг. не имело своих собственных целей и задач / религиозно-реформаторских программ и социально-политических установок. Тогда резонно возникает вопрос: на каком основании / фундаменте в теории и практике Московского патриархата в 1960-е гг. получила развитие концепция «коммунистического христианства», а в 1980-е гг. «концепция христианского служения миру»?

В-четвертых, в современной исследовательской литературе присутствует устойчивая тенденция к разделению обновленчества начала XX века и обновленчества советского периода (за «водораздел» берется революция 1917 года и Поместный собор 1917 – 1918 гг.). Однако в русле реформационных процессов, получивших развитие в России в данный период, это, по сути, является игнорированием сложной диалектики религиозного и социального. Поэтому отказ от рассмотрения обновленчества как целостного феномена не только отдаляет нас от понимания парадигмы русского православного реформаторства первой половины XX века, но и лишает дополнительной оптики для изучения особенностей перехода российского общества из одной социокультурной реальности в другую.

Таким образом, характер и содержание указанных проблем определяют **цель диссертационного исследования** – это религиозоведческая концептуализация феномена обновленчества в русском православии первой половины XX века.

Задачи исследования:

- Провести анализ основных трактовок обновленчества, обобщить и систематизировать философские, исторические, культурологические, светские и конфессиональные воззрения на этот феномен.
- На основании теоретических и методологических разработок современного религиоведения, опыта изучения различных форм религиозного реформаторства разработать методологический подход к обновленчеству, позволяющий концептуализировать данный феномен.
- Выявить причины возникновения обновленческого движения в русском православии в первой половине XX века, особенности его формирования и развития в различных исторических условиях.
- Определить факторы, повлиявшие на становление и эволюцию идеи обновления в русском православии в первой половине XX века.
- Раскрыть содержание и сущность религиозно-реформаторских программ русского православного обновленчества, выявить их сходства и отличия в дореволюционный и советский периоды.
- Проанализировать и сравнить социально-политические концепции обновленческого комплекса начала XX века, периода революции 1917 года и советской эпохи.

- Выявить причины срыва и неуспеха обновленческих проектов религиозных реформ, кризиса и коллапса самого православного обновленчества.
- Показать религиозный и социокультурный смысл русского православного обновленчества.
- Предложить развернутое определение понятия «обновленчество».

Объект исследования – обновленчество как сложное и противоречивое явление в истории русского православия и Русской православной церкви первой половины XX века.

Предмет исследования – природа, сущность, структура и функции русского православного обновленчества в меняющихся исторических и социокультурных условиях первой половины XX века.

Хронологические границы исследования. Хронологические рамки исследования определяются первой половиной XX века. Это время, на которое падают основные этапы развития русского православного обновленчества.

Рабочая гипотеза исследования. Обновленчество – это проект православной реформации и Реформации как универсалии культуры, заявивший о себе в России в первой половине XX века, целью которого, в зависимости от меняющегося исторического контекста, являлись реинституциализация, а впоследствии деинституциализация русского православия, который завершился «инверсивным кувырком» с элементами медиации – изменением социальной органики Русской православной церкви без глубоких религиозных реформ.

Теоретико-методологические основы исследования. Задачи комплексного междисциплинарного изучения феномена русского православного обновленчества обусловили необходимость поиска методологической матрицы, позволяющей раскрыть парадигму обновленчества – его специфику как религиозного и социокультурного феномена.

Таким основанием может служить методологический принцип интегрализма – формирующейся постнеклассической парадигмы знания. В религиоведении он выразился в идее создания «метатеории религиоведения», которая предполагает взаимодействие различных исследовательских программ. В русле этих интегративных тенденций во второй половине XX века возникло новое религиоведческое направление – историческая феноменология религии,

которая рассматривает историю религий (дескриптивную дисциплину) и феноменологию религии (сравнительную и интерпретативную дисциплину) как два взаимосвязанных аспекта единой науки о религии. В частности, У. Бьянчи, один из основоположников данной школы, пришел к выводу, что такой «интегративный подход» позволяет, начиная с эмпирических процедур – тщательного описания собранных материалов, их исторической и структурной контекстуализации, выйти на уровень сравнения и интерпретации фактов⁴¹.

Отечественные исследователи также полагают, что «постановка и решение вопроса о соотношении теории и опыта в религиозных исследованиях представляется ближайшей задачей метатеории религиоведения»⁴². По мнению А.Н. Красникова, направление, сочетающее в себе методы эмпирического исследования и теоретической обработки эмпирического материала, открывает новые перспективы для истории религии как гуманитарной науки⁴³.

Важное теоретико-методологическое значение для изучения феномена обновленчества в русском православии имеет структурно-функциональный анализ. Одной из его центральных проблем является изучение отношений между классом структур и классом функций, которую разрабатывал американский социолог Т. Парсонс. В дальнейшем она получила развитие в работах Р. Мертона, который ввел в структурно-функциональный анализ понятие «функциональных альтернатив» и показал, что существует широкое «поле» возможных вариантов выполнения действия при наборе конкретных структурных элементов. Этот вывод помогает увидеть, что представляло собой обновленчество как в содержательном плане, так и с функциональной стороны, как соотносилось в нем идейное развитие с практикой.

Структурно-функциональная школа оказала большое влияние на формирование теории цивилизаций израильского ученого Ш.Н. Эйзенштадта, который показал, что многие современные общества берут свое начало в возникшей напряженности между трансцендентным и мирским порядками. Как следствие, центральной проблемой в жизни таких обществ является тема «спасения», преодоления раскола между светским и религиозным, посредством

⁴¹ Bianchi U. Method, Theory and Subject Matter // Religious Transformations and Socio-Political Change: Eastern Europe and Latin America / Ed. by L. Martin. – Berlin; N.Y., 1993. – P. 349 – 350.

⁴² Рахманин А.Ю. К метатеории религиоведения: концептуальный каркас и проблема нормативного критерия науки // Религиоведческие исследования. – 2009. – № 1 – 2. – С. 19.

⁴³ Красников А.Н. Методологические проблемы религиоведения: Учебное пособие. – М., 2007. – С. 196 – 197.

установления нового социального порядка в его трансцендентальном видении⁴⁴. В результате, как отмечает Б.С. Ерасов, «концепция гетеродоксии, раскола как выражения широкого движения протеста, стала важным компонентом объяснения истории развития сложных обществ»⁴⁵. Она также помогает понять природу обновленчества, его роль и место в социокультурной динамике России исследуемого периода.

Задачи идентификации и дефинирования обновленчества потребовали решения важной и ранее не разработанной теоретической проблемы – концептуализации феномена религиозного обновления. Для этого был проведен феноменологический анализ двух основных форм религиозного реформаторства – религиозного модернизма и религиозного фундаментализма. Опираясь на выводы М. Марти, Л. Каплан, М. Ризебротта, П.С. Гуревича и др.⁴⁶, в исследовании удалось прийти к пониманию амбивалентности этих феноменов, которые в рамках конкретных религиозно-реформаторских движений могут иметь множество точек пересечения и на различных уровнях взаимодействовать друг с другом. В диссертации предложен авторский вариант концепта религиозного обновления, который не только помогает раскрыть парадигму обновленчества, но и «служит удобным методологическим инструментом для анализа сложных форм религии и религиозности, идентификации альтернативных религиозных идеологий и движений»⁴⁷.

Большое значение для исследования имеют выводы автора научной концепции русского реформационного процесса В.Д. Жукоцкого. Понимая Реформацию в качестве универсалии культуры, он приходит к выводу, что ее «нервом» является возвратно-поступательное движение к «истоку»⁴⁸.

⁴⁴ Eisenstadt S.N. *Fundamentalism, Sectarianism, and Revolution. The Jacobin Dimension of Modernity.* – Cambridge University Press, 1999. – P. 5, 6.

⁴⁵ Ерасов Б.С. Ш. Эйзенштадт и его концепция общества и истории // Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Под ред. Б.С. Ерасова. – М., 1999. – С. 12 – 13.

⁴⁶ См.: Гуревич П. Фундаментализм и модернизм как культурные ориентации // *Общественные науки и современность.* – 1995. – № 4. – С. 154 – 162; Фундаментализм / Отв. ред. З.И. Левин. М., 2003; *The Fundamentalism Project. Vol. 1. Fundamentalisms observed: A study conducted by the American academy of arts and sciences / edited by Martin E. Marty and R. Scott Appleby.* – Chicago; London, 1991; Riesebrödt M. *Die fundamentalistische Erneuerung der Religionen // Fundamentalismus. Politisierte Religionen / Hrsg. von Kilian Kindelberger.* – Potsdam, 2004. – S. 10 – 27; *Studies in Religious Fundamentalism / Ed. by L. Caplan.* – Albany, 1987 и др.

⁴⁷ Головушкин Д.А. Религиозный фундаментализм / религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.* – Серия 1: Богословие. Философия. – 2015. – № 1. – С. 95.

⁴⁸ Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Реформация как универсалия культуры: переключки эпох и поколений // Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. *Русская Реформация XX века: статьи по культурфилософии советизма.* – М., 2008. – С. 5.

Ключом к пониманию специфики социокультурного контекста обновленчества и особенностям его исторического развития может служить социально-философская концепция А.С. Ахиезера, получившая развитие в трудах В.Б. Земскова, А.Г. Глинчиковой и др.

Таким образом, в ходе обращения к отдельным теоретико-методологическим аспектам проблемы выкристаллизовывается и основной подход к ее решению. Ответ на вопрос, в чем заключается религиозная специфика и социокультурный смысл русского православного обновленчества первой половины XX века, кроется в одновременном понимании его контекста, истории, феноменологии и структурно-функциональных особенностей.

Источниковая база исследования. Спектр используемых в исследовании источников в силу разносторонности проблемы достаточно обширен и диверсифицирован. Он представляет собой комплекс как опубликованных, так и неопубликованных (архивных) материалов. Условно его можно разделить на несколько групп: 1) документальные источники; 2) периодическая печать; 3) источники личного происхождения; 4) теоретические работы идеологов обновленческого движения; 5) труды представителей русской религиозно-философской и богословской мысли; 6) работы советских партийных деятелей, идеологов антирелигиозной политики в СССР.

Наиболее важную для исследования подгруппу документальных источников обновленческого происхождения составляют официальные документы обновленческого движения. К их числу относятся программы и уставы обновленческих организаций, постановления съездов обновленческих групп, постановления обновленческих Поместных соборов, циркуляры и указы обновленческого Священного Синода, постановления Пленумов Священного Синода Российской православной церкви и др.

Среди использованных в исследовании материалов периодической печати особую ценность имеют дореволюционные обновленческие издания, а также обновленческие журналы советского периода.

И наконец, изучение феномена обновленчества в русском православии первой половины XX века невозможно без обращения к работам идеологов обновленчества. К ним относятся труды К.М. Аггеева, Г.С. Петрова, архимандрита Михаила (Семенова), В.П. Свенцицкого, М.П. Чельцова, А.И. Боярского, А.И. Введенского, Б.В. Титлинова и др.

Научная новизна диссертационного исследования.

Научная новизна исследования заключается в разработке методологического подхода к изучению русского православного обновленчества, позволяющего осуществить религиоведческую концептуализацию данного феномена. Конкретно научная новизна исследования состоит в следующем:

- проведен анализ основных трактовок обновленчества, обобщены и систематизированы философские, исторические, культурологические, светские и конфессиональные воззрения на этот феномен;
- разработана авторская религиоведческая концепция феномена религиозного обновления, потребность в которой возникает в связи с теоретическим осмыслением и концептуализацией обновленчества как внутренне сложного, многоуровневого и многоаспектного по своей структуре феномена;
- теоретически обоснован тезис о возможности существования социокультурных модификаций реформации (исходный тезис диатропики), при которых общее (инвариантность) переплетается с частным (самобытность);
- показано, что в основе казуса обновленчества, помимо внешнего фактора, лежит характерная для религий Предания открытость вопроса «основ», нерешенность проблемы соотношения фундаментализма, ортодоксии, традиции. «Обновление» в данном случае может наполняться самым разным содержанием и тем самым провоцировать церковные расколы;
- осуществлен всесторонний анализ исторического и социокультурного контекста русского православного обновленчества первой половины XX века, который вывел проблему его генезиса и эволюции за границы институционального подхода, и показал, что оно является неотъемлемой частью социокультурной динамики России исследуемого периода;
- аргументирована позиция автора по вопросу о связи или отсутствии таковой между обновленчеством начала XX века и обновленчеством советского периода. Автором доказывается, что обновленчество – это целостный феномен, прошедший в своем развитии несколько стадий / этапов, каждый из которых имеет свою собственную специфику и общее ядро;

- установлено, что вплоть до 1925 года обновленчество отвечало критериям феномена религиозного обновления и идентифицируется в качестве такового. Его реформаторский комплекс формируется на периферии религиозного фундаментализма и модернизма и сочетает в себе черты обоих;
- раскрыто соотношение теории и практики в обновленческом комплексе (определена степень их функционального единства), что служит ключом к пониманию внутренних причин провала проекта обновленческой церкви;
- сформулировано развернутое определение понятия «обновленчество». В религиозноведческий дискурс введено и обосновано понятие «распределенная реформация»;
- раскрыт механизм срыва обновленческой реформации, который задается парадигмой русского православного реформаторства первой половины XX века, диалектикой «внутреннего» (особенностями религиозного комплекса) и «внешнего» (государственной политикой в отношении религии и церкви).

Положения, выносимые на защиту:

1. Исследование феномена обновленчества, как исключительно сложного в содержательном отношении, многоуровневого и многоаспектного по своей структуре феномена возможно на основе комплексного религиозноведческого подхода, учитывающего достижения истории, феноменологии и социологии религии. Путь к развернутому определению понятия «обновленчество», которое имело бы максимальный объем и одновременно содержательно минимизировано, лежит через понимание конфессиональной специфики русского православия, анализ исторических и социокультурных условий возникновения и развития русского православного обновленчества, его истории, феноменологии и структурно-функциональных особенностей.

2. Концепт феномена религиозного обновления служит теоретическим основанием для религиозноведческой концептуализации русского православного обновленчества первой половины XX века. Религиозное обновление понимается как идеология религиозно-реформаторских движений, одновременно выступающих за возвращение к «основам» религий, так и за необходимость творческого развития религий, в том числе через возвращение к

их «основам». Поэтому религиозное обновление – это также специфическая форма религиозного реформаторства, вырастающая из синтеза избранных элементов религиозного модернизма и фундаментализма, которые раскрываются как амбивалентные феномены. Целями религиозного обновления является переинтерпретация или переоформление религиозной традиции, а также выработка альтернативных вариантов общественного развития – религиозное обновление современности. Это своего рода «срединный путь» религиозной культуры, лежащий между традицией и новацией, конфессиональный вариант реформации. Причиной симбиоза в православных религиозно-реформаторских движениях – движениях религиозного обновления, элементов религиозного фундаментализма и религиозного модернизма, является понимание православными христианами традиции / ортодоксальности как живого Предания, которое ориентирует на движение не только назад, к «основам», но и вперед, на творческое развитие религии, на созидание новой церковной истории.

3. Генезис обновленчества не сводим к какому-либо одному из факторов, поскольку это «продукт» системной критической ситуации, обусловленной наличием в России начала XX века или 1920-х гг. глубокого общественного раскола, идущего по линии традиционализм – модернизм. Государство на протяжении всего исследуемого периода пыталось решить эту проблему, сначала через усиление, затем ослабление, а впоследствии и уничтожение Русской православной церкви. Эта определило парадигму русского православного реформаторства первой половины XX века – религиозные / церковные реформы имеют догоняющий характер, легализованы сверху и практически не находят рецепции снизу. В такой ситуации / в таком расколотом обществе реформы могут стать не столько средством преодоления раскола, а основанием для его возобновления и углубления. Сама религиозная реформа при определенных обстоятельствах может вылиться в новый религиозный и общественный раскол.

4. Обновленчество начала XX века, обновленчество периода революции 1917 года и 1920-х гг. – это части единого обновленческого комплекса в его историческом развитии. Они растут из одного корня – стремления приблизить церковь к социальным проблемам, сделать ее местом «богочеловеческой эволюции», но пытаются решить эту задачу по-разному. Первые два делают

акцент на необходимости развития «христианской политики», направляемой эсхатологической перспективой Царства Божия. Последнее пытается кардинально изменить социальную онтологию церкви посредством отказа от идей святоотеческого неоплатонизма, от вытекающего из него принципа разделения мира на церковь и мир не подлинный. В этом плане обновленчество первой половины XX века представляет собой уникальный пример наложения эпох, идей и поколений, которые образуют непрерывность религиозного и культурно-исторического процесса.

5. По типу и целям религиозной реформы (вектору религиозного реформаторства) русское православное обновленчество в том виде, в котором оно просуществовало до 1925 года, идентифицируется как феномен религиозного обновления, складывающийся на периферии религиозного фундаментализма и религиозного модернизма и сочетающий в себе черты обоих. С учетом конфессиональной специфики обновленчества можно сказать, что это фундаментализм / модернизм Предания – вариант православной реформации.

6. В социокультурном смысле обновленчество – это проект Реформации как универсалии культуры, вызванный к жизни трансформационным разломом российского общества первой четверти XX века, ставивший своей целью замкнуть религиозное обновление на обновлении социальном и вывести российское / советское общество в новое социокультурное пространство.

7. Как религиозно-реформаторское движение обновленчество за несколько десятилетий своего существования прошло путь от «профетической ситуации», стадии консолидации до этапа институционализации через раскол в церковь. Для завершения этого процесса «революция», как изменение социальной органики церкви, и реформация должны были замкнуться друг на друге. Однако обновленчество напротив пошло по пути отсечения «революции» от реформации и отказа от последней в пользу первой, чем свернуло процесс институционализации движения в церковь. Причинами этого скатывания является расхождение теории и практики обновленчества (отсутствие функционального единства) при одновременном стремлении к «воцерковлению в церковь». Это не только разрывало необходимые структурные связи, порождало диссонанс и фрустрацию, но и подводило обновленчество под власть силы архаизации.

8. Обновленческий раскол представляется сложным, как с сущностной, так и структурно-функциональной стороны явлением. Это процесс произрастания из церковной смуты проектов церковной революции и реформации, борьбы революции и реформации, которые сменились новой смутой при непосредственном контроле и вмешательстве внешнего актора – специальных советских спецслужб, курирующих антирелигиозную политику. Учитывая обстоятельства возникновения, историю развития и итоги обновленческого раскола, его можно рассматривать в качестве механизма слома старой социальной органики церкви и создания новой в условиях традиционализирующейся модернизации.

9. В качестве развернутого определения понятия «обновленчество» предлагается следующее. Русское православное обновленчество – это распределенный «проект» реинституциализации, а впоследствии деинституциализации русского православия в меняющихся политических и социокультурных условиях первой половины XX века (распределенная реформация), завершившийся «инверсивным кувырком» с элементами медиации – изменением социальной органики Русской православной церкви без глубоких религиозных реформ.

10. Срыв обновленческой реформации обусловлен сложной диалектикой «внутреннего» (особенностями религиозного комплекса) и «внешнего» (государственной политикой в отношении религии и церкви). Обновленческая реформация, ставившая своей целью превращение Русской православной церкви в авангард обновления и преображения мира, в место «богочеловеческой эволюции», должна была на уровне вероучения совершить этот переворот. Однако она натолкнулась не просто на нежелание государства добровольно стать «социальным тяглом», которое выполняет исключительно силовые функции в богочеловеческом процессе, а на его стремление через обновленческую реформацию сверху расколоть и ослабить церковь. Советское государство не только заставило реформаторов отказаться от теократических притязаний, но и заговорить о сакральном достоинстве советской власти, которое возникает по воле Духа Божия, вследствие чего получает власть над верующими и церковью. И когда на первое место вышел вопрос о сохранении церкви в условиях гонений, она вновь стала «не от мира сего», лишь изменив свое социальное поведение. Сами обновленческие лидеры к середине 1920-х гг.

пришли к выводу о неуместности реформации, поскольку та лишала церковь апробированного историей механизма взаимодействия с миром, но не предлагала ничего принципиально нового и по большому счету зашла в идейный тупик. Не последнюю роль в этом самоопределении сыграли рядовые православные верующие, от которых в конечном итоге зависел вопрос «быть или не быть» и как быть.

Достоверность научных положений. Обоснованность и высокая степень достоверности результатов проведенного исследования определяется сочетанием авторского концептуального подхода с обширной верифицируемой эмпирической базой, а также применением теоретико-методологического аппарата современного религиоведения при анализе и оценке наличного и вновь открываемого эмпирического материала.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость результатов диссертационной работы заключается в том, что обеспечивается приращение научного знания, нацеленного на религиоведческое осмысление феномена русского православного обновленчества первой половины XX века. В научный оборот вводится авторская концепция феномена религиозного обновления. Она является важным методологическим инструментом для концептуализации религиозно-реформаторских движений, чей комплекс складывается на периферии религиозного фундаментализма и модернизма и соединяет в себе черты обоих.

Полученные результаты могут быть использованы при проведении исследований религиоведческого характера, в т.ч. религиоведческих экспертиз, поскольку предложены параметры для идентификации альтернативных / «гибридных» религиозных идеологий и движений. Положения и выводы диссертации могут быть применены в исследованиях по истории религии, философии религии, феноменологии религии, философии культуры.

Работа над темой исследования способствовала подготовке авторских курсов «Фундаментализм и модернизм в современной религиозной жизни», «Религия и политика», «История русского православия», «История социально-этической мысли в русском православии» и др. (преподают на кафедре истории религий и теологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена).

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования были представлены и обсуждались на следующих конгрессах и конференциях: XII Международная научная конференция «Государство, общество и церковь в истории России XX века» (Иваново, 20–21 февраля 2013 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Роль русской православной церкви в становлении и развитии российской государственности» (Ярославль, 20 ноября 2014 г.); Второй конгресс российских исследователей религии «Наука о религии в XXI веке: традиционные методы и новые парадигмы» (Санкт-Петербург, 20–22 ноября 2014 г.); Межвузовская научная конференция «Религиозно-философские собрания на Мойке» (Санкт-Петербург, 1 июня 2015 г.); Международная научная конференция «Религиозная ситуация на Северо-Западе: проблемы социокультурных идентичностей» (Санкт-Петербург, 9–10 марта 2016 г.); Всероссийская научная конференция «Научное религиоведение: проблема источников и методов» (Санкт-Петербург, 2 октября 2017 г.); Международная научная конференция «Религиозная ситуация на Северо-Западе: ткань традиции и вектор конфессиональной эволюции» (Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2017 г.); V Международная научно-практическая конференция «Религия и история» (Минск, 20–22 апреля 2017); Международная научно-практическая конференция «Религия и власть в России. 1905–1917» (Санкт-Петербург, 13–14 июня 2017 г.); Международная историко-богословская конференция «Покровские чтения в Брюсселе» (Брюссель, 1–4 ноября 2017 г.); Международная научно-практическая конференция «Религия и власть: Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. (Санкт-Петербург, 13–14 июня 2018 г.); Международная научно-практическая конференция «Религия и власть: обновленчество в русском православии и религиозный модернизм XIX–XX вв. (Санкт-Петербург, 13–14 июня 2019 г.); III Конгресс Русского религиоведческого общества «Религии и религии: дискурсы и практики» (Санкт-Петербург, 4–6 октября 2019 г.).

Основные положения и выводы диссертационного исследования в полной мере отражены в 51 работе, в том числе в 3 монографиях, в 20 статьях в рецензируемых научных изданиях. Общий объем опубликованных работ автора составляет 54,4 п.л.

Результаты диссертационного исследования были представлены к обсуждению на заседаниях кафедры истории религий и теологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена». Предзащита состоялась на расширенном заседании кафедры истории религий и теологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» с участием приглашенных докторов философских наук, специалистов по проблеме исследования, с правом решающего голоса.

Структура и объем работы. Диссертация изложена на 458 страницах машинописного текста, состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографического списка, состоящего из более 600 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяется степень её научной разработанности, формулируются цели и задачи работы, дается характеристика теоретико-методологической базы исследования, раскрывается его научная новизна и практическая значимость.

В **первой главе «Теоретико-методологические проблемы изучения феномена обновленчества в русском православии первой половины XX века»** определяются теоретико-методологические основания, разрабатывается методологический инструментарий, необходимые для религиоведческой концептуализации феномена русского православного обновленчества первой половины XX века.

В **параграфе 1.1. «Понятие “обновленчество”: пути и трудности определения»** анализируются существующие определения понятия «обновленчество» и основные подходы к его дефинированию. Отмечается, что обновленчество, будучи чрезвычайно сложным по своей структуре и содержанию феноменом, по-разному трактуется исследователями. Зачастую дефиниенс – истолкование понятия «обновленчество» напрямую зависит от мировоззренческой позиции исследователя, а также от того неоднозначного опыта, который оно имело в истории русского православия XX века, вследствие чего нередко задается в координатах «свой – чужой».

Во-первых, понятие «обновленчество» определяется в зависимости от хронологических границ / периодизации истории обновленчества (обновленчество начала XX века; обновленчество февраля-октября 1917 года; обновленчество 1920-х гг., обновленчество после 1927 года).

Во-вторых, понятие «обновленчество» дефинируется, исходя из полагаемого генезиса, религиозной и социально-политической природы данного феномена. Оно может пониматься как движение за религиозное возрождение / обновление, в качестве специфической формы диалога светской и религиозной культур, как одна из форм приспособления религии и церкви к новым социально-политическим условиям, как продукт антирелигиозной политики советского государства, как церковная реакция, схизма и др.

В-третьих, существует устойчивая традиция определять русское православное обновленчество по аналогии с религиозно-реформаторскими движениями, имевшими место в западном христианстве.

В результате, каждый из подходов, используемых при определении понятия «обновленчество», концентрируют свое внимание на отдельных аспектах данного феномена, его различных сторонах и проявлениях. Это в свою очередь порождает методологическую установку, что «обновленчество» – это рамочное понятие, некий каркас, который любой исследователь может оформить совершенно в разных стилевых направлениях в зависимости от избранного акцента. Однако подобный путь удаляет от разработки развернутого определения понятия «обновленчество», которое отражало бы основные родовые характеристики данного феномена, имело бы максимальный объем и одновременно содержательно минимизировано. Учитывая поставленную цель и задачи исследования, заявленную методологию, путь к определению понятия «обновленчество» видится в возобновляемой методологической рефлексии и стремлении постичь единство данного феномена, стоящее за его многообразием, исходя из результатов анализа и оценки наличного и вновь открываемого эмпирического материала. Это предполагает понимание конфессиональных особенностей русского православия, анализ исторического и социокультурного контекста формирования и развития русского православного обновленчества, комплексное рассмотрение его истории, феноменологии и структурно-функциональных особенностей.

В параграфе 1.2. «Обновленчество в концептуально-терминологическом пространстве религиоведческого дискурса» раскрывается понятийно-категориальный аппарат религиоведения, в координатах которого осуществляется концептуализация феномена обновленчества.

Показано, что в существующей исследовательской литературе феномен обновленчества традиционно рассматривается сквозь призму таких явлений / маркеров как религиозный модернизм, религиозный фундаментализм и реформация, которые в свою очередь объединяются понятиями религиозное реформаторство / религиозная реформа. Эта вариативность свидетельствует о том, что границы между различными формами религиозного реформаторства размыты и открыты для взаимопроникновения. Поэтому обвинения религиозных модернистов в «бунтарстве» и стремлении разрушить традицию не должны игнорировать тот факт, что самому религиозному модернизму не чужда идея создания собственной религиозной традиции. Противопоставление религиозного модернизма и религиозного фундаментализма также может быть неоправданным и не подтверждаться историческими фактами, поскольку нередко оказывается, что они являются амбивалентными феноменами. Наконец, коррелятивность религиозного фундаментализма и религиозного модернизма может быть естественным выражением религиозной традиции, а следовательно, возможно существование социокультурных модификаций реформации, в которых общее (инвариантность) переплетается с частным (самобытность).

Важно также понимать, что религиозная реформа практически всегда связана с социально-политическими преобразованиями, она является прологом и проводником социально-экономической и политической модернизации, обеспечивая ей тем самым необходимый идейный базис. Срыв религиозной реформы в свою очередь может привести к срыву модернизации или ее незавершенности (т.н. «половинчатой модернизации»). Известны также случаи, о чем, например, свидетельствует опыт русского старообрядчества XVII века, когда переориентация религиозной реформы, ее трансформация или даже канализация, может увести модернизацию в иное социокультурное и политическое русло, привести к выработке новых ценностных основ модернизации, новых механизмов воспроизводства социума и культуры. Все

это доказывает, что религиозная реформа при тех или иных исторических условиях способна обрести формат Реформации. Как универсалия культуры Реформация ведет не просто к «значительному изменению в религиозной жизни масс людей», а в новое социокультурное пространство, легитимированное на уровне социальной этики со стороны религии / церкви, вставшей на путь реформ. Согласно другому сценарию религиозная реформа может обернуться срывом Реформации или «половинчатой Реформацией», не решив задач преодоления социокультурного конфликта и общественного раскола, идущего по линии традиционализм – модернизм.

Еще одной важной стороной религиозной реформы и деятельности религиозных реформаторов является религиозный раскол, который выступает механизмом институциализации религиозно-реформаторского движения в церковь или инструментом ослабления / подчинения государству существующих религиозных институтов. Как показывают эмпирические и теоретические исследования по данной проблеме, в большинстве известных случаев инициатором и проводником церковных разделений и расколов выступало государство, хотя и сами раскольники / реформаторы в своих начинаниях охотно прибегали к поддержке государственной власти. В связи с этим важно понимать, что церковный раскол – это всегда диалектика «внутреннего» и «внешнего», религии и политики. Религиозный / церковный раскол может быть не только дисфункциональным, но и функциональным. Через религиозный раскол может быть обеспечен переход из одной системы ценностей, основанной на старой традиции, к новой системе ценностей, основанной на новой традиции.

В *параграфе 1.3. «Феномен религиозного обновления: особенности концептуализации»* осуществлена религиоведческая концептуализация феномена религиозного обновления. Для этой цели был проведен феноменологический и структурно-функциональный анализ двух основных форм религиозного реформаторства – религиозного модернизма и религиозного фундаментализма, который показал, что это амбивалентные феномены, способные активно взаимодействовать друг с другом и сближаться в содержательном плане. Этот факт является свидетельством не только многогранности и одновременно глубинного системного единства, противоположных, на первый взгляд, религиозных феноменов, но и важной

методологической предпосылкой для анализа сложных форм религии и религиозности, концептуализации «периферийных» религиозных идеологий и движений, к каковым относится и русское православное обновленчество.

Столкнувшись с этой задачей, представители внецерковной / внутрицерковной ветви русского религиозного реформаторства уже в начале XX века идентифицировали процессы, происходящие в религиозной сфере в качестве религиозного обновления. Это было сделано неслучайно. Понимание православными христианами традиции / ортодоксальности как живого Предания, которое ориентирует не только на движение назад, к «основам», но и вперед, на созидание новой церковной истории, определило появление этого понятия и содержание самого концепта религиозное обновление. Он базировался на идее гармонизации творческого развития религии с верностью ее «основам».

В результате, с учетом результатов понимания религиозного фундаментализма и религиозного модернизма как амбивалентных феноменов, религиозное обновление получает свою концептуализацию как самобытная форма религиозного реформаторства, вырастающая из синтеза избранных элементов религиозного фундаментализма и религиозного модернизма, и сочетающая в себе черты обоих. Это своего рода «срединный путь» православной культуры, лежащий между традицией и новацией, конфессиональный вариант реформации. Одновременно религиозное обновление – это стратегия социального действия религии, ориентированная на выработку альтернативных вариантов общественного развития – религиозное обновление современности – Реформацию как универсалии культуры.

Глава вторая «Генезис русского православного обновленчества» посвящена анализу исторической ситуации, в которой возникало и развивалось православное обновленчество, выявлению его идейных основ и истоков.

В *параграфе 2.1. «Исторический и социокультурный контекст зарождения и развития русского православного обновленчества первой половины XX века»* раскрывается комплекс социально-политических, культурологических и внутрицерковных проблем, вызвавших к жизни православное религиозно-реформаторское движение – обновленчество, и одновременно предопределивших его закат.

В диссертации подчеркивается, что зревший с середины XVII века в России общественный раскол к рубежу XIX – XX вв. достигает своего апогея. Став своего рода рекурсией, он практически полностью поражает все сферы жизни российского общества, сделав его практически нежизнеспособным, лишенным инструментов и мотиваций к воспроизводству. Эта угроза социокультурного распада побуждает государство, различные общественно-политические силы и русскую интеллигенцию приступить к поискам / выработке интеграционных начал / механизмов, способных восстановить общественные связи и общественное единство. Они в свою очередь приводят их к повороту от социальной проблематики к религии, заставляют обратить внимание на церковь, которая традиционно выступала в роли интерпретатора отношений между властью и обществом. Однако это «средство» общественной консолидации, успешно работавшее в предшествующие исторические эпохи, в реалиях начала XX века – нарастающей урбанизации, индивидуализации и секуляризации, оказалось недейственным.

Во-первых, церковь, превращенная самодержавием в «ведомство православного исповедания», была не в состоянии взять на себя подобную спасительную миссию. Синодальное устроение, выпадение из богословского преемства (не говоря уже о возможности богословской рефлексии), отсутствие собственной социальной этики, кризис церковной культуры и церковного сознания формировали не только замкнутый круг проблем, но и свидетельствовали о глубочайшем институциональном кризисе русского православия. В свою очередь это порождало нежелание самой церкви быть активным, независимым участником процессов социальной модернизации.

Во-вторых, инициированная российским государством в начале XX века религиозная / церковная реформа сразу же натолкнулась на объективную необходимость блокирования разрушительных последствий этих реформ, поскольку те предполагали коренную трансформацию всей общественно-политической системы. В результате, эта дуальность – осознание необходимости реформ и одновременное неприятие и страх перед ними, делали любые реформаторские начинания половинчатыми или вовсе незавершенными, что только порождало новые угрозы и риски. Остался также нерешенным вопрос, кто будет проводить в России религиозную / церковную реформу – государство, сама церковь или церковь и государство совместными усилиями.

В-третьих, возникший в начале XX века «диалог» между представителями церкви и светской культуры / внецерковной интеллигенции, практически сразу же (о чем свидетельствуют Религиозно-философские собрания 1901 – 1903 гг.) натолкнулся на взаимное непонимание и недоверие. Раскол поразил и саму интеллигенцию, встретившую новый эстетический подъем и религиозно-философское пробуждение утилитарно-моралистическим скепсисом. Заставляет серьезно задуматься и тот факт, что религиозно-реформаторские проекты и инициативы, идущие сверху (начиная от народников и социалистов-революционеров, шедших в русские секты с целью превращения реформации в революцию), не встречали ответной реакции снизу, со стороны народа. Здесь господствовала «внешняя религиозность», религиозный индифферентизм и почвенный утилитаризм. Другими словами, в российском обществе начала XX века отсутствовали необходимые горизонтальные и вертикальные связи, обеспечивающие возможность реализации широкомасштабной религиозной реформы, а соответственно и общественной перезагрузки на идейно-ценностном фундаменте обновленного / реформированного православия.

Неразрешимость данной ситуации, порождающей у рефлексирующей части общества чувство, что «вся дорога пройдена, исторический путь кончен», углубляющийся общественный раскол, особенно по линии модернизм – традиционализм, все более и более способствовали укоренению в общественном сознании идеи, что можно / нужно без православия и православной церкви проводить социальную модернизацию. Сама незавершенность общей религиозно-нравственной трансформации русского общества накануне революций только подкрепляла мысль о такой возможности. Неслучайно в это время на историческую сцену выходят различные «конкурентные религиозные дискурсы», квазирелигиозные доктрины и социально-политические учения, которые пытаются реализовать свои собственные проекты преодоления «разомкнутости и разобщенности» современного мира: новое религиозное сознание, русский марксизм и др. И только пройдя через кульминацию общественного раскола в России – ужасы революции и гражданской войны, крайности локализма эпохи НЭПа – рождается то, что «соединяет в себе несоединимое, объединяет в себе разные, исключают друг друга ценности». Именуемое как «Русское

коммунистическое государство», «священное царство», «обратная теократия» (Н.А. Бердяев), «власть Советов, воплощающая соборный идеал» (А.С. Ахиезер) и пр., оно легитимирует «новый мир и новую жизнь», а также приобретает монопольное право решать, кому и как присутствовать на его фоне. В стране происходит идеологическая инверсия: православие – «религия советизма» (В.Д. Жукоцкий), которая с учетом «зависимости от пути развития» (Д. Норт) допускает также возрождение / существование традиционных общественных, а в некоторых случаях и религиозных институтов, обеспечивая тем самым для государства значительную экономию ресурсов. В данных условиях православное реформаторство становится неуместным, оно будет канализировано, либо использовано по усмотрению нового медиатора.

Параграф 2.2. «Идейный фундамент обновленчества: истоки, влияние, связи» посвящен генезису обновленческой идеи.

В работе показано, что в России рубежа XIX – XX вв. реакцией на парциальную модернизацию, порождающую и углубляющую общественный раскол (особенно по линии традиционализм – модернизм), стало в т.ч. религиозно-философское пробуждение русской интеллигенции, названное впоследствии Русским духовным ренессансом. Оно было представлено самым разнообразным спектром идей, однако его центральными постулатами, т.н. *stredo*, стали принципы «свободы», «творчества» и «синтеза» всех областей общественной и духовной жизни под сенью христианства. Именно эта среда, со всей ее многогранностью и противоречиями, стала колыбелью и питательной почвой (параллельно с поисками собственной идентичности) для русского православного обновленчества первой половины XX века.

Влияние русского духовного ренессанса начала XX века на православное обновленчество настолько глубоко и сложно по своему содержанию, что и его восприятие и проявление были такими же сложными и неоднозначными. Из русского духовного ренессанса начала XX века зарождающееся обновленчество вынесло и вобрало в себя: а) представление о высшей религиозной / религиозно-общественной цели как достижении религиозной аутентичности современности – Царства Божьего на земле. В соответствии с этим проектом, церковь, как богочеловеческий союз, мыслилась идейным руководителем человеческого прогресса, имеющим право / основания подчинить христианским задачам государство; б) идею необходимости развития широкого религиозного

творчества с неременной опорой в этом развитии на «основы» христианской религии – принцип модернизационного фундаментализма; в) понимание социальной революции как возможного / необходимого инструмента в «богочеловеческом процессе», благодаря которому будет открыт путь к «христианскому государству» (или, по крайней, к такому государству, с которым можно будет сотрудничать в решении христианских задач).

Одновременно обновленчество вобрало в себя те же проблемы, столкнулось с теми же вопросами, что и породившая его культурная среда: а) внутренняя неоднородность и раскол, которые были присущи в целом русскому религиозно-реформаторскому движению начала XX века, влекли за собой потенциальную возможность раскола самого обновленческого движения; б) открытость вопроса о путях и способах религиозного действия, экстерниоризации религии в обществе (религиозная реформа, религиозная реформация или религиозная революция?) заключала в себе реальную опасность возникновения глубокого внутрицерковного конфликта, способного вылиться в церковный раскол; в) трудности, связанные с развитием русской богословской мысли, а с другой стороны жажда «спасения», которая в русской культуре, в русском самосознании, традиционно сопряжена с чаянием «социальной Правды», в совокупности предопределяли основное измерение русского православного обновленчества первой половины XX века – религиозно-социальное и религиозно-политическое; г) изолированность от социальных движений и одновременно актуализация проблемы «хождения в народ» поставила обновленчество перед сложнейшей и важнейшей задачей: как идти в народ и с чем идти в народ? Любой неправильный шаг в этом направлении грозил бы срывом православной реформации / Реформации.

Отмечено, что важным сюжетом проблемы генезиса обновленческой идеи является поколенческий аспект православного реформаторства. Русский духовный ренессанс начала XX века, как особое культурное явление и пространство, не мог не распространиться за границы исторических эпох и оказал заметное влияние на последующие поколения церковных реформаторов, в том числе и на представителей обновленческого движения советского периода (начала 1920-х гг.). Нельзя игнорировать тот факт, что первая половина XX века предстает временем наложения и взаимопроникновения эпох, идей и поколений.

В главе третьей «Русское православное обновленчество в начале XX века» рассматривается организационное и идейное развитие обновленчества в годы Первой русской революции и в послереволюционный период.

Параграф 3.1. «Организационное становление и развитие русского православного обновленчества в начале XX века» посвящен истории первых обновленческих организаций и деятельности представителей первого поколения церковных обновленцев. Отмечается, что Русская революция 1905 – 1907 гг., сделавшая возможной широкую общественную дискуссию по вопросу проведения в России религиозной / церковной реформы и созыва Поместного собора, открыла зреющему религиозно-реформаторскому движению дорогу / путь для организационного оформления. В марте 1905 года в Санкт-Петербурге образовалась т.н. группа «32-х» петербургских священников, известная в дальнейшем как «Братство ревнителей церковного обновления», в Москве в январе 1905 года организовывается «Христианское братство борьбы», а в ноябре 1905 года «Комиссия по церковным и вероисповедным вопросам». Эти организации в силу специфики среды, в которой они возникли, изначально отличались по своим программным требованиям и установкам. «Братство ревнителей церковного обновления» и «Комиссия по церковным и вероисповедным вопросам» призывали к восстановлению / возрождению принципа церковной соборности, к коренной реформе всей церковной жизни, исходя из принципов соборности. «Христианское братство борьбы» делало основной акцент на «христианской политике», активном участии христиан в социально-политическом переустройстве страны, позиционируя церковь в качестве «авангарда» исторического прогресса. Первая программа в значительной степени ориентировалась на официальную церковную реформу, вторая на революционное движение.

Однако к середине 1906 года и та и другая платформа показывают свою ограниченность и несостоятельность. По мере спада революционной волны «Христианское братство борьбы» теряет не просто возможность практической работы, но и организационного существования. Для представителей «Братства ревнителей церковного обновления» вскрывается очевидный факт, что власть вовсе не намеревается проводить укрепляющие церковь преобразования, церковная иерархия не готова идти на конфликт с самодержавием, а желает лишь укрепления своего положения за счет государственного ресурса,

готовящийся Собор не способен что-либо «обновить». Другими словами, становится ясно, что зависимость религиозных реформ от общественно-политического фактора, определяющего положение церкви в государстве и пределы ее реформирования при неопределенности социально-политической позиции самого обновленчества, в совокупности формируют замкнутый круг проблем, нарастающих по линии: религия – политика, церковь – государство, религиозная реформа – политическая реформа – социальная революция. Соответственно их разрешение, с одной стороны, требовало социально-политического сдвига, открывающего возможности для религиозно-социального действия, а с другой стороны, всесторонней религиозно-реформаторской активности, позволяющей церкви легитимно (т.е. богословски обоснованно) включиться в социально-политические процессы и стать их активным участником.

В результате с конца 1906 года на фоне внутреннего кризиса движения и поисков выхода из него в обновленчестве начинается интеракция религии и политики, религиозного реформаторства и социально-политического действия. Очевидно, что этот процесс к окончанию революции 1905 – 1907 гг. завершен не был (журнал «Век» в июне 1907 года организовал лишь объединенную публикацию программных документов всех трех обновленческих организаций). Однако именно эта «встреча» (фактически на исходе революции) и последующая корреляция двух религиозно-реформаторских платформ – религиозного возрожденчества и социального христианства, заложили основы обновленческого комплекса. По этой причине обновленчество периода Первой русской революции – это не только организации / союз организаций с их программами реформ, но и дискурсивное пространство, которое сформировали его представители, и в которое были включены различные идейные течения русского православного реформаторства начала XX века. Соответственно и манифестация обновленческого комплекса в эти годы в основном осуществлялась через литературно-публицистическую деятельность, организацию лекций и докладов.

К несчастью для самого обновленческого движения данного периода, оно так и осталось в формате высокоинтеллектуального и богословского дискурса о путях и судьбах русской церкви и русского общества в революционную эпоху / в эпоху Модернити. Оно не смогло разрешить главной проблемы – проблемы

путей и способов хождения в церковь и в народ, без решения которой предлагаемая религиозная реформа «повисала в воздухе» и могла осуществиться только (при определенных условиях) как реформа сверху. Это продемонстрировало парадоксальную ситуацию – религиозное обновление / обновленчество, стремящееся к преодолению общественного раскола, к согласованию традиции и модернизации, в расколотом обществе заключало в себе потенциал для углубления этого раскола.

Летом 1907 года организационное развитие русского православного обновленчества прекратилось. Однако было бы крайне поспешно и недальновидно говорить о том, что «оно отцвело, не успев расцвести». Это был важный этап его в развитии, сопровождавшийся постепенной переоценкой / пересмотром первоначальных программ и установок. Из событий начала XX века оно извлекло для себя очень важный, если не главный урок: социальная модернизация, революция и православное обновленчество, должны двигаться навстречу друг другу, взаимопроникать и взаимообогащаться, открывая тем самым путь к православной реформации и религиозному обновлению социального – Реформации.

В *параграфе 3.2. «От реформы церковного управления к концепту религиозное обновление: эволюция взглядов представителей православного обновленчества на реформу русского православия в начале XX века»* автор раскрывает специфику религиозно-реформаторских программ и проектов дореволюционного обновленчества. Показывается, что на начальном этапе Русской революции 1905 – 1907 гг. обновленчество предстает своего рода «рамкой», «дискурсионным пространством» русского православного реформаторства, объединяющим различные идейные платформы, объединенные темой Поместного собора, и реформы церковного управления. Это не без основания давало повод современникам для сомнений в аутентичности обновленчества, как самостоятельного религиозно-реформаторского движения. Однако по мере спада в стране революционной активности, а также нарастающих разочарований в официальной церковной реформе, в этой среде начинаются активные поиски самообоснования, постепенно оформляется концепт религиозного обновления, «сердцем» которого становится идея возвращения к «основам» христианства, к учению и практике апостольской церкви / апостольским временам соборной церковной

жизни. Что характерно, это возвращение мыслилось не как религиозный регресс или реставрационизм, а в смысле восстановления изначально свойственного христианству динамизма, принципа творческого развития религии с опорой на «основы». Можно утверждать, что к моменту «Третьеиюньского переворота» у идеологов обновленческого движения оформляется понимание религиозного обновления, как творческого развития православия через перманентное возвращение к «основам» христианства.

На основании этого в работе делается вывод, что в начале XX века обновленчество в кратчайшие сроки прошло путь от движения за реформы церковного управления до самобытного религиозно-реформаторского движения, идейной основой которого был концепт религиозного обновления, складывающийся на периферии религиозного фундаментализма и модернизма. Наличие данного идейного самообоснования неизбежно подводило обновленчество к вопросу о необходимости обретения собственных независимых от синодальной церкви организационных форм. Поэтому не удивительно, что ко времени наступления реакции в общественно-политической жизни страны и свертывания официальной церковной реформы, обновленчество пришло к «революционному» заключению: надо не просто реформировать существующую церковную организацию, а создавать новую. Т.е. задолго до событий 1920-х гг. оно осознало, что путь к воплощению своих религиозно-реформаторских проектов, лежит, в том числе, через создание новых организационных форм русского православия.

Параграф 3.3. Религиозное обновление и обновление социальное: теократический проект русского православного обновленчества начала XX века посвящен анализу социально-этической мысли первого поколения церковных обновленцев. Доказывается, что их апелляция к «основам» христианства, к первохристианству, в соединении с социальной проблематикой, чаяниями «социальной правды» предопределили центральную идею религиозно-социального проекта русского православного обновленчества начала XX века – Царство Божие на земле – свободная теократия, подразумевающая преобразование / обновление под руководством церкви самого мира. Для идеологов обновленческого движения это главная цель и движущая сила христианского прогресса, который совпадает с прогрессом историческим. Одновременно рефлексировав, что полное осуществление Царства Божия лежит

за границами наличного мира, они мыслили современность как необходимый этап в «богочеловеческой эволюции», шаг на пути к обожению мира. Поэтому, идея Царства Божия на земле для обновленчества начала XX века – это также источник легитимности «христианской политики», призыв христиан к активной преобразовательной работе, программа христианских действий «здесь и сейчас», направляемая эсхатологической перспективой. Она предполагала воцерковление всех сфер человеческой жизни: политики, экономики, культуры, которые позиционировались и как объект спасения, и как средство спасения, подготавливающие и реализующие в «домостроительстве спасения» всеобщее Преображение, т.е. спасение коллективное. Движущей силой этого прогресса – Церкви, вменялось право использовать в богочеловеческом процессе все имеющиеся средства и прежде всего государственную власть, которая «от Бога», до тех пор, пока она служит Добру. Для улучшения самих форм государственной власти в сторону «христианского государства» или власти, наиболее должным образом выполняющей свою миссию в богочеловеческом процессе, церкви вменялось в обязанность принимать самое активное участие в общественно-политической жизни страны, возглавляя и направляя ее своим авторитетом. Представителями «социального христианства» допускалось также «нехристианское насилие» (революционная вооруженная борьба), которое может осуществляться / применяться нехристианами и нехристианским государством для борьбы со Злом, с антихристианским государством.

В целом можно выделить следующие особенности социально-этического комплекса русского православного обновленчества начала XX века:

а) В дискуссиях на тему социального / религиозно-социального обновленчества данного периода раскрывается в качестве движения религиозного фундаментализма, соединяющего потусторонние и поюсторонние концепции спасения, ставившего своей целью достижение религиозной аутентичности современности – Царства Божия на земле: «Весь мир есть становящаяся Церковь». Но это также пример фундаментализма модернизационного, который через возврат к «основам» религии стремится выйти в новое социокультурное пространство, смотрит не в идеальное прошлое, а в будущее. В этом плане религиозное обновление у обновленчества замыкается на обновлении социальном, что позволяет говорить о его

социально-этическом комплексе, как о проекте Реформации. Однако эта Реформация принципиально отличается от западной Реформации, ибо в ее центре идея не индивидуального, а коллективного спасения, ценность общественного интереса, но зависящего от «дела» каждого индивида.

б) В решении вопросов практического характера, определения средств и методов достижения искомого социального идеала обновленчество начала XX века также исходило из идеи будущего всеобщего Преображения. Идеологи движения считали, что церковь как богочеловеческий союз должна / имеет все основания использовать, направлять и совершенствовать государство / государственную власть (в том числе посредством нехристианских средств и сил – революции и революционеров) для достижения высших религиозных целей. Двигаясь в этом направлении, обновленчество начала XX века заложило основы самобытной модификации православного «политического богословия», развивающего социально-политические следствия христианской вести. Однако наметилась и другая тенденция. Не видя действенных путей христианизации революционной стихии, но нуждаясь в этой силе, обновленчество вступило на путь ее религиозного обоснования и оправдания, доказывая, что в богочеловеческом процессе в «действительности» она решает христианские задачи; социальное освобождение открывает дорогу религиозному обновлению и «свободной теократии», поэтому власть не теряет своего инструментального значения, даже если ее носители нехристиане. Т.е. начинает постепенно прокладывать себе дорогу т.н. «богословие власти», легитимирующее со стороны христианства / христианской церкви нехристианскую власть / нехристианское государство. С этой двойкой позицией по социально-политическим вопросам обновленчество входило в революцию 1917 года, а вслед за ней и в советскую эпоху.

В главе четвертой **«Русское православное обновленчество и революция 1917 года»** рассматривается организационное и идейное развитие обновленческого комплекса в период Февральской и Октябрьской революции, на начальном этапе гражданской войны в России (1917 – 1922 гг.).

В параграфе 4.1. **«Обновленцы и обновленческая идея в февралев-августе 1917 года»** отмечается, что события февраля-октября 1917 года объективно открыли путь / пути для возрождения и дальнейшего развития обновленческого движения в русском православии. Весной 1917 года в

большинстве епархий происходила своего рода «церковная революция» снизу / «реформация снизу», способная существенно изменить (при определенных условиях) характер управления Русской церковью и ее общественно-политический статус. Одновременно эта ситуация подогревалась «революционным» обер-прокурором В.Н. Львовым, который стремился реформировать церковь в соответствии с сугубо прагматическими задачами нового правительства (которые усиливались его личной позицией): очистить ее от старого епископата (чтобы отсеять политических противников), но и не допустить «мятежа» идущего снизу.

Именно в этой не простой и противоречивой обстановке организуются и начинают свою деятельность обновленческие организации февраля-октября 1917 года: «Союз демократического православного духовенства и мирян» (Д.Я. Попов, М.С. Попов, И.Ф. Егоров, А.П. Рождественский, А.И. Боярский и А.И. Введенский), «Объединенный совет духовенства и мирян» (Н.В. Цветков), «Союз Церковного обновления» (М.П. Чельцов). Уже сам состав членов данных групп и союзов свидетельствует о том, что это было новое обновленчество. Многим из этих людей еще был близок дореволюционный опыт и идеи дореволюционного движения, но уже приходит / рождается новое поколение церковных обновленцев. Они жадно прислушивались к политическим и социокультурным переменам, пытались найти свое место и самообоснование в новых социокультурных реалиях.

Об этой эволюции обновленческого движения ярко свидетельствует его социально-политическая платформа в данный период. Несмотря на наличие религиозно-реформаторских проектов и программ, которые обновленчество огласило в ходе февральской революции, центральным вопросом в его повестке дня (помимо вопроса созыва Поместного собора) был вопрос о внутрицерковной власти и взаимоотношениях этой власти с властью политической. Здесь обновленцы оказались в ситуации т.н. исторического перепутья, к которому их подвела динамика русской революций 1917 года.

С одной стороны перед обновленчеством открывался путь религиозно-реформаторского движения, идущего снизу / подхватывающего инициативу снизу / формирующего инициативу снизу. В этом случае церковная власть как бы делегировалась «православной общественностью», чего обновленчество собственно и ожидало от Поместного собора. В свою очередь это толкало

идеологов движения активно форсировать «политическое богословие», обосновывающее необходимость социально-политической активности церкви. За период февраля-октября 1917 года они сформулировали ряд важных положений, впоследствии легших в основу социально-политических концепций обновленчества советского периода: 1. Христиане должны принимать активное, деятельное участие в политике / в борьбе за социализм; 2. Революция как радикальный способ борьбы за социализм / против капитализма и самодержавия должна быть принята и освящена церковью; 3. Церковь в своем стремлении к высшим религиозным целям должна христианизировать революцию и социализм, дабы те не повернули свои силы против самого христианства; 4. Итогом социальной революции, направленной / включенной в христианское русло, должно стать превращение государства в церковь.

С другой стороны, несмотря на заявления о «полной автономии в устроении внутренней жизни православной церкви» оно не решалось кардинально решить вопрос об отделении церкви от государства, уперлось в старую проблему: с помощью каких сил будет осуществляться церковная реформа и христианизация революционной стихии. Надежды на религиозное возрождение и «православный народ» как «двигатель» религиозных реформ и Реформации не оправдали себя и таяли с каждым днем. К лету 1917 года для большинства обновленческих лидеров стало ясно, что революция в действительности обнажила религиозный индифферентизм и прогрессирующие антихристианские настроения. Поэтому не удивительно, что акцент был также сделан на важной роли революционного государства в чаемом церковном переустройстве и религиозном возрождении. Политическая власть стала рассматриваться в качестве особо важного партнера, который вплоть до созыва Поместного собора – высшей власти в Российской православной церкви, возьмет церковь / «новую церковь» под свою опеку и защиту, и одновременно обеспечит / гарантирует ей церковную автономию.

Другими словами, в зависимости от расстановки политических сил и характера процессов, происходящих в церкви, обновленчество готово было сделать выбор либо в пользу «православной общественности» («реформации снизу»), либо в пользу государства («реформации сверху»). Если первый сценарий мотивировал обновленцев развивать политические следствия христианской вести («политическое богословие»), то второй создавал

искушение объявить «властью от Бога» ту власть, которая поддерживала церковных реформаторов, и заклеить ту власть, в том числе высшую церковную власть, которая выступала в качестве политического или внутрицерковного противника. В результате вся эта ситуация создавала историческое напряжение, которое в той или иной точке могло перейти в церковный раскол, в т.ч. простимулированный или поддержанный новой властью, выстраивающей свою политику в отношении религии и церкви.

В параграфе 4.2. «Разделительные линии: Поместный собор 1917 – 1918 гг. как предиктор развития обновленческого движения в послереволюционный период» предпринята попытка ответить на вопрос о роли Поместного собора 1917 – 1918 гг. в становлении и развитии обновленческого движения в советский период, а следовательно, и в вызревании обновленческого раскола 1920-х гг.

Анализ документов Поместного собора 1917 – 1918 гг., материалов периодической печати и источников личного происхождения, отражающих ход его работы, показал, что на Соборе определились следующие зоны конфликтов (т.н. «разделительные линии»), которые могут служить предиктором обновленческого раскола 1920-х гг.

А) *Модель высшего церковного управления.* Вопреки распространенному мнению о единодушии соборян атмосфера, сложившаяся на Соборе, была весьма далека от того «соборного идеала», который традиционно рисуют постсоветские церковные историки. Изначально на нем встретились два лагеря, один из которых современники называли «либеральным» (профессора университетов и духовных академий, а также белое духовенство), другой «консервативным» (епископат). Их полемика / противостояние в значительной степени определяли ход работы Собора (особенно первой сессии), и от ее исхода не в последнюю очередь зависели судьбоносные решения. Не случайно тема высшего церковного управления на Соборе стала своего рода «моментом истины», его поворотным моментом. Апеллируя к соборному / теократическому идеалу русского православия, и та и другая партия пыталась вложить в него свой смысл и свое видение, обращаясь одновременно к каноническому праву и руководствуясь своими корпоративными интересами. «Левая» группа («группа 32-х») понимала под подлинной церковной соборностью принцип коллективной организации церковной власти, а также

активное участие клира и мирян во всех областях церковной жизни. Ее представители считали, что институт патриаршества не совместим с началами соборности (особенно в русском варианте), и может послужить вероятной причиной возникновения внутрицерковных расколов. Сторонники патриаршества первоначально развивали идею т.н. «соборного патриаршества», считая, что «патриарх – это конечная высшая точка Собора» / «надстройка над соборностью». Однако по мере радикализации политических событий в стране и прихода к власти большевиков в этом лагере возобладал образ патриарха как «Печальника», «Молитвенника», «Подвижника», «подчиненного только Христу вождя».

Несомненно, «октябрьские дни» в Москве, а также общая внешняя угроза способствовали сближению / объединению ранее оппозиционных «соборных группировок» и в конечном итоге их выбору в пользу избрания патриарха. Однако означает ли это, что разногласия, имевшие место на Соборе, были преодолены в «действительности», а не перешли в латентную форму, «благодаря» орудейным выстрелам по Московскому кремлю. Ведь патриарх избирался в т.ч. как вождь, «без которого воинство идет вразброд», который способен осуществлять «мероприятия к прекращению нестроений в церковной жизни». В данном случае нужно учитывать тот факт, что «демократизация церкви» и «демократичность» самого Поместного собора, в первую очередь были результатом революционных событий / влияния «духа революционного времени», а не результатом развития церковного сознания и церковной культуры. Расширение же полномочий патриарха (пусть и необходимое) неизбежно порождало конфликтную ситуацию.

Б) Модель государственно-церковных отношений. Тема государственно-церковных отношений была главной двигательной силой предсоборного процесса и стала одной из центральных тем на самом Соборе. В новых беспрецедентных условиях «свободы» перед церковью открылось два пути – выйти из «константиновской модели» и приступить к богословской разработке собственной независимой социально-политической платформы («политического богословия»), либо вернуться на «исторические колеи». Однако Собор в сложившейся ситуации пошел иным путем, приняв 2 (15) декабря 1917 года определение «О правовом положении Православной Российской церкви», согласно которому она получала первенствующее

публично-правовое положение в правовом государстве и одновременно становилась независимой от государственной власти. Это «положение об отдалении» (А.В. Карташев), хотя и было предназначено для обсуждения на Учредительном собрании, выявило очень важную тенденцию – церковь / Собор, прежде всего, ориентировалась на религиозную политику нового государства, нежели руководствовалась собственным социально-этическим учением. В этом, на наш взгляд, в значительной степени кроется ключ к пониманию столь резкой первой реакции соборян на законодательные инициативы в сфере государственно-церковных отношений советской власти, которую они не воспринимали «всерьез и надолго». Но как только советская государственность укрепилась, и стало очевидно, что ее религиозная политика / антирелигиозный курс не претерпят изменений, среди участников Собора наметилась тенденция к прекращению открытого противостояния и выполнению некоторых положений правительственных постановлений в отношении религии и церкви. Это свидетельствовало о том, что церковь предпочла постепенно встраиваться в предлагаемую властью модель государственно-церковных отношений, что в целом соответствовало позиции Собора по этому вопросу. Ведь, не решив его в богословском ключе (в т.ч. в направлении разработки «богословия сопротивления власти»), Собор поспешил акцентировать основное внимание на организации высшего церковного управления, фактически заменив патриархом социальное учение Православной российской церкви. Вполне закономерно, что данная ситуация «открывала» / провоцировала «дискуссию» по вопросу формата и условий встраивания в советскую систему государственно-церковных отношений, а также «дискуссию» по вопросу учения церкви о новом социальном государстве.

В) Модель взаимоотношения с обществом. В сознании Собора / участников Собора изначально присутствовала убежденность, что он является фундаментом, нравственной и религиозной силой, которая сможет консолидировать распадающееся российское общество, оказывать заметное, если не решающее влияние на политическую жизнь страны, армию и народ в предстоящем национально-государственном строительстве. По этой причине Собор неоднократно инициировал общесоборные и всенародные моления, Послания и даже переговоры с Советским правительством (март – апрель 1918 года), выступая от лица «народной совести». Однако вопреки ожиданиям (о чем

свидетельствовали доклады и выступления соборян), общество отвечало церкви религиозным индифферентизмом и даже ростом антирелигиозных настроений. И только по мере развертывания антирелигиозной политики советского государства, с принятием Декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 года, фактически ликвидировавшим церковные институты и передавшим власть в приходах мирянам («двадцаткам»), в стране формируется заметное движение «народа церковного». Однако теперь это было уже свидетельством не интеграции, а углубления раскола российского общества, который со своей стороны пыталась преодолеть и советская власть, нащупывая в своей внутренней политике светские / квазарелигиозные основания новой государственности. Это еще больше углубляло общественный конфликт («святыня против святыни») и позиция Собора, основанная априори на высоте церковного авторитета (после многовекового союза православной церкви с самодержавием) неизбежно обрекала церковь на гонения.

Таким образом, Поместный собор 1917 – 1918 гг., столь значимый и много сделавший для устроения церкви, в силу тех или иных обстоятельств, не дал ответы на другие многие важные и актуальные вопросы, допустил ряд ошибок и опущений, а, следовательно, стимулировал внутрицерковное напряжение, способное вылиться в раскол.

Глава пятая «От религиозно-реформаторского движения к церкви: православное обновленчество в советский период отечественной истории» посвящена рассмотрению феноменологии и структурно-функциональных особенностей т.н. «советского обновленчества».

В параграфе 5.1. «Обновленческий раскол: диалектика внутреннего и внешнего» решаются следующие ключевые вопросы: обновленчество и обновленческий раскол – это православная реформация или церковная революция, это церковная смута, свидетельствующая о «системном кризисе» Русской православной церкви, или сугубо «продукт» антирелигиозной политики советского государства, организовавшего эту смуту?

Приходится констатировать, что обновленчество 1920-х гг. – это и не реформация и не революция. В 1922 году оно заявило о себе как о проекте реформации и революции, но вся его дальнейшая история – это история канализации реформации и революции, которая имеет своим основанием асинергию обновленческой реформации и обновленческой революции. В этом

плане В.Д. Красницкий оказался намного проницательнее других обновленческих лидеров, понимая обновленческий комплекс как «борьбу революции и реформации», в которой победила революция. Однако революция без реформации для обновленчества означала не что иное, как поражение. Для религиозно-реформаторского движения, стремящегося институционализироваться в церковь, революция и реформация должны быть замкнуты друг на друге, как замыкается религиозное обновление на обновлении социальном, знаменуя тем самым Реформацию. Обновленчество напротив пошло по пути отсечения революции от реформации и отказа от последней в пользу первой, чем и свернуло процесс институционализации движения в церковь.

Причин случившего перерождения и утраты целостности много. Это несовпадение целей / траекторий советской модернизации и православной реформации, вмешательство советских спецслужб в судьбы обновленчества, рост утилитаризма в обновленческом движении и другие. Но все же главная из них – эта сила архаизации, заключенная в ее носителях – «верующей массе» и рядовом клире, на чем собственно и играла советская власть, используя обновленческий раскол в своей антирелигиозной политике. Давление / притяжение архаизации обрекало реформаторский проект на существование в качестве дискурса «сверху», который практически не находил отклика «снизу». Однако логика реформации заставляла реформаторов идти вниз и склонять верующих и рядовых членов клира на свою сторону. Первоначально этой цели служил административный ресурс, в т.ч. сила советского государства, ориентированного на борьбу с архаикой. Но очень скоро это движение вниз потребовало привычного языка и понятных смыслов, созвучных с идеями нового социального строительства. В результате теория движения полностью разошлась с его практикой, которая в свою очередь стала формировать «новый проект» обновленчества, замкнутый преимущественно на социально-этической проблематике – религиозном признании советской власти. Как следствие к 1925 году обновленчество оказалось на одной ноге (революционеры без реформации), которую без особых усилий выбила «Декларация» 1927 года, заявившая о лояльности патриаршей церкви к советской власти.

Все эти процессы, которые заняли чуть больше пяти лет, сопровождались накоплением и ростом внутреннего диссонанса в обновленчестве, который в конечном итоге вылился во фрустрацию. Обновленчество утратило свои цели и

ориентиры, компенсацию которых (выход из состояния неудовлетворенности и дискомфорта) оно находило в «решительной войне» против сергианской церкви («коса инверсии»). Поэтому с лета 1927 года обновленческий раскол перестает быть расколом. Борьба между обновленцами и сторонниками патриаршей церкви с этого времени превратилась в открытую борьбу за внутрицерковную власть, которая продолжалась вплоть до весны 1935 года и начала «большого террора».

Советское государство в своей борьбе с религией и церковью также ощутило на себе силу архаизации. Обширный комплекс документов различных государственных структур, курировавших в СССР антирелигиозную политику, свидетельствует, что власти изначально стремились превратить обновленчество / обновленческий раскол в управляемый проект по «разложению церкви». Пока он находился в ведении Л.Д. Троцкого, его понимание и смысл сводились к борьбе революции / реформации с «архаикой», которые по мере выполнения своих задач должны были быть превращены в «выкидыш». Однако в дальнейшем советское руководство отказалось от курса на обновленческую реформацию, ссылаясь на то, «что тихоновщина еще сильна на местах». Уже в марте 1923 года Антирелигиозной комиссией ЦК РКП(б) было принято решение об углублении и развитии церковного раскола по пути столкновения двух «социальных лагерей» – церкви, признающей советскую власть, и церкви, не признающей советскую власть. По сути это было открытой провокацией двоевластия в церкви – церковной смуты. Ее факт и деструктивные последствия стали особенно заметны после подписания «Декларации» 1927 года, снявшей социально-политические разногласия между двумя церквями, но оставившей актуальным вопрос о канонической церковной власти.

Однако проблема соотношения «стихийно-антисистемного» и «проектно-конструкторского» не случайно считается одной из главных проблем смут и революций. Парадоксально, но чем дольше советские спецслужбы проводили политику воспроизводства внутрицерковной смуты, тем больше слабело обновленчество, но не слабела патриаршая церковь. Другими словами, «управляемый проект» все больше давал противоположный результат. Поэтому развернувшиеся с конца 1935 года массовые аресты архиереев, белого духовенства и мирян обновленческой и патриаршей церкви вполне можно вписать в логику и задачи «второй революции большевиков», которая и на

антирелигиозном фронте должна была победить смуту. Начало Великой Отечественной войны, потребовавшей мобилизации всех ресурсов страны, завершило этот процесс, приведя к парадоксальному, но вполне предсказуемому результату. В сентябре 1943 года И.В. Сталин посчитал целесообразным восстановить патриаршество, завершив тем самым создание т.н. «церковно-административной системы». После этого обновленчество в короткие сроки было ликвидировано за ненадобностью.

Таким образом, обновленческий раскол – это чрезвычайно сложное, как с сущностной, так и структурно-функциональной стороны явление. Прежде всего, это развивающийся и меняющийся феномен. Это процесс произрастания из церковной смуты проектов церковной революции и реформации, борьбы революции и реформации, которые сменились новой смутой при непосредственном контроле и вмешательстве внешнего актора – специальных советских спецслужб, курирующих антирелигиозную политику. Однако канализация обновленчества вовсе не означала конца революционных / реформационных процессов в церкви. Она открыла путь к явлению иного уровня – созданию «советской церкви» в доктринальном плане стоящей на позициях т.н. традиционализма, но социальная концепция, которой, пусть и вынуждено, отвечала / не противоречила задачам социалистического строительства. Используя выражение В.Б. Земскова, это был инверсионный «кувырок», но «кувырок» с элементами медиации, которые привнесло обновленчество. Поэтому обновленческий раскол можно рассматривать в качестве механизма слома старой социальной органики церкви и создания новой в условиях частичной модернизации / традиционализирующейся модернизации.

Одновременно организация, развитие и итоги обновленческого раскола были отражением / проекцией политических и социокультурных процессов, протекающих в стране в 1920 – 1940-е годы. На уровне религиозной подсистемы общества он засвидетельствовал переход от революции к смуте, от смуты к новой революции и, наконец, воспроизводство в новом облике прежних структур и иерархий. Соответственно он является своего рода оптикой – помогает рассмотреть механизм и этапы возникновения нового социального порядка.

Параграф 5.2. «Политическое богословие» русского православного обновленчества “на корабле” советской государственности раскрывает социально-политические установки обновленчества советского периода.

Доказывается, что в момент своего зарождения «политическое богословие» русского православного обновленчества советского периода представляло собой сложный синтез учения о «симфонии властей», отводившего советскому государству роль «социального тягла» с призывом сделать христианское слово общественно действенным словом. Другими словами, обновленчество одновременно доказывало, что советская власть установлена Богом и должна почитаться за свое общественное служение, и в то же время выступало против нейтралитета религии в отношении политики, задавая «критическим коррективом» социально-политического Царства Божие / Царство Божие на земле. В этом плане эсхатологическая перспектива поднимала «планку» обновленческой церкви до уровня авангарда социалистического строительства, а сам социально-политический проект обновленчества раскрывался как сугубо фундаменталистский (достижение христианской аутентичности современности), на службу которого ставились все силы и средства, в том числе и антихристианская власть.

Однако данная установка, по своему существу, не преодолевала антиномичного отношения к государству, принципа «неслиянности» и «нераздельности», оставляя за обновленчеством возможность идейного маневра в зависимости от ситуации / контекста. И когда ему пришлось под давлением советских спецслужб отказаться от большинства реформаторских инициатив, обновленчество смогло быстро сменить риторику политической «независимости» на риторику политического сотрудничества с советской властью. Т.е. победил «церковный утилитаризм» – апробированный историей способ разрешения антиномичного понимания взаимоотношений церкви и государства.

Как следствие, после Собора 1923 года обновленчество в короткие сроки трансформировало «политическое богословие» – заявку на то, чтобы быть самостоятельным политическим актором, в апологетику обновленчества – «богословие власти» и «богословие оправдания» перед властью. Двигаясь в этом направлении, оно заявило о необходимости изменения норм индивидуальной нравственности (Царства Божие / Царство Божие на земле это

корелятив морали и этики), а также о сакральном достоинстве советской власти, которое возникает по воле Духа Божия, вследствие чего получает власть над верующими и церковью.

В результате, разрабатывая свой социально-этический комплекс, обновленчество советского периода по мере развития социально-политических и культурных процессов в стране так же, как и в случае с проектом обновленческой реформации совершило «инверсионный кувырок». Оно не вышло на уровень самостоятельной рефлексии над социально-политическим, но смогло дать вынужденный ответ на современное социально-политическое, ориентируясь на исходные доктринальные положения православной церкви.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, намечаются пути / подходы к пониманию парадигмы русского православного реформаторства первой половины XX века:

1. Проведенная работа по концептуализации феномена религиозного обновления подтверждает, что под религиозным обновлением одновременно может пониматься как движение назад, к основам религии, так и движение вперед, в том числе через возвращение к основам этих религий. Другими словами, феномену / феноменам религиозного обновления одновременно свойственны черты религиозного фундаментализма и религиозного модернизма, которые раскрываются через них как амбивалентные феномены. Это является важной методологической предпосылкой для идентификации альтернативных / «периферийных» / «гибридных» религиозных идеологий и движений и делает возможным экспликацию религиозного обновления как самобытной формы религиозного реформаторства, которая складывается на периферии религиозного фундаментализма и модернизма и соединяет в себе черты обоих. Целями религиозного обновления является переинтерпретация или переоформление религиозной традиции. Одновременно религиозное обновление – это стратегия социального действия религии, ориентированная на выработку альтернативных вариантов общественного развития – религиозное обновление современности. Это своего рода «срединный путь» религиозной культуры, лежащий между традицией и новацией, конфессиональный вариант реформации.

2. Комплексный междисциплинарный подход к проблеме генезиса обновленчества позволяет сделать вывод, что обновленчество – это «продукт»

системной критической ситуации. Его парадигма / парадигма русского православного реформаторства первой четверти XX века задается особенностями российской парциальной (частичной) модернизации, которая не была подготовлена / не сопровождалась необходимой ценностной трансформацией. Это привело к поляризации и расколу российского, а впоследствии и советского общества по линии традиционализм – модернизм. Чтобы преодолеть его негативное влияние и последствия, государство в начале XX века инициирует религиозную / церковную реформу, чтобы традиционализировать модернизацию. В 1920-е гг. советское антирелигиозное государство поддерживает обновленцев-реформаторов, чтобы обновленческой реформацией и обновленческим расколом сломать религиозную традицию и осуществить Реформацию на новом ценностном фундаменте, без православия и православной церкви. И только в 1917 году, в условиях социальной революции, когда государство терпит крах, церковь на короткое время становится относительно самостоятельной в своих внутренних делах и во взаимоотношениях с внешним миром. Другими словами, религиозные реформы / православная реформация в России первой четверти XX века, получили зеленый свет исключительно благодаря инициативе власти «сверху», они имели догоняющий (или критически догоняющий) характер, а их содержание и направленность контролировались государством. В результате православное реформаторство и православная реформация были заведомо оскоплены (не имели необходимых горизонтальных и вертикальных связей), канализированы (в любой момент могли быть свернуты) и дискредитированы как инструмент государственной политики. Тем самым запоздалые, половинчатые и не вовремя смелые реформы обновили старый и заложили новый фундамент для конфликта между церковью и миром и, как следствие, вынудили ее встать на путь инверсии и архаизации.

3. Внутренним (религиозным) основанием «казуса» обновленчества является проблема определения «основ» в православном христианстве. Фундаментализм в православии не является понятием самодостаточным и «возвращение» может быть наполнено самым разным содержанием. Поэтому обновленчество и обновленческий раскол во многом были результатом столкновения интерпретаций и интерпретаторов «основ» православия. Неясность обновленческого концепта первохристианства рождала в церковном

сознании бинарные оппозиции: «обновленчество (гетеродоксия) – ортодоксия», «обновленчество – фундаментализм», и наконец, «фундаментализм – ортодоксия». Однако русская богословская мысль второй половины XX века убедительно показала, что православный фундаментализм (в своей богословской форме) и ортодоксия приходят к общему знаменателю – верность основам, которые одновременно являются источником высших религиозных истин и обоснованием религиозного обновления и творчества. Это и является естественным основанием для симбиоза в православных религиозно-реформаторских движениях элементов религиозного фундаментализма и религиозного модернизма.

4. Установлено, что по типу и целям религиозной реформы (вектору религиозного реформаторства) русское православное обновленчество в том виде, в котором оно просуществовало до 1925 года – это феномен религиозного обновления, складывающийся на периферии религиозного фундаментализма и религиозного модернизма и сочетающий в себе черты обоих. С учетом конфессиональной специфики обновленчества можно сказать, что это фундаментализм / модернизм Предания – вариант православной реформации. В социокультурном смысле обновленчество – это проект Реформации как универсалии культуры, вызванный к жизни трансформационным разломом российского общества первой четверти XX века, ставивший своей целью замкнуть религиозное обновление на обновлении социальном и вывести российское общество в новое социокультурное пространство.

5. В институциональном развитии обновленчество за несколько десятилетий своего существования прошло путь от «профетической ситуации», стадии консолидации до этапа институционализации через раскол в церковь. Для завершения этого процесса «революция», как изменение социальной органики церкви и реформация должны были замкнуться друг на друге. Однако обновленчество напротив пошло по пути отсечения «революции» от реформации и отказа от последней в пользу первой, чем свернуло процесс институционализации движения в церковь. Причиной этого скатывания является расхождение теории и практики обновленчества (отсутствие функционального единства) при одновременном стремлении к «воцерковлению в церковь». Это не только разрывало необходимые структурные связи, порождало диссонанс и фрустрацию, но и подводило обновленчество под власть силы архаизации.

6. Обновленческий раскол представляется сложным, как с сущностной, так структурно-функциональной стороны, явлением. Это процесс произрастания из церковной смуты проектов церковной революции и реформации, борьбы революции и реформации, которые сменились новой смутой при непосредственном контроле и вмешательстве внешнего актора – специальных советских спецслужб, курирующих антирелигиозную политику. Учитывая обстоятельства возникновения, историю развития и итоги обновленческого раскола, его можно рассматривать в качестве механизма слома старой социальной органики церкви и создания новой в условиях традиционализирующейся модернизации.

7. Обновленчество начала XX века, обновленчество периода революции 1917 года и 1920-х гг. – это части единого обновленческого комплекса в его историческом развитии. Они растут из одного корня – стремления приблизить церковь к социальным проблемам, сделать ее местом «богочеловеческой эволюции», но пытаются решить эту задачу по-разному. Первые два делают акцент на необходимости развития «христианской политики», направляемой эсхатологической перспективой Царства Божия. Последнее пытается кардинально изменить социальную онтологию церкви посредством отказа от идей святоотеческого неоплатонизма, от вытекающего из него принципа разделения мира на церковь и мир не подлинный. В этом плане обновленчество первой половины XX века представляет собой уникальный пример наложения эпох, идей и поколений, которые образуют непрерывность религиозного и культурно-исторического процесса.

8. В качестве развернутого определения понятия «обновленчество» в работе предлагается следующее. Русское православное обновленчество – это распределенный «проект» реинституциализации, а впоследствии деинституциализации русского православия в меняющихся политических и социокультурных условиях первой половины XX века (распределенная реформация⁴⁹), завершившийся «инверсивным кувыркком» с элементами медиации – изменением социальной органики Русской православной церкви без глубоких религиозных реформ.

⁴⁹ Распределенная реформация – это реформация, хронологически соотнесенная с несколькими историческими эпохами и поколениями реформаторов, меняющая в ходе своего развития цели и векторы (направленность) религиозной реформы.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

а) монографии:

1. Головушкин, Д.А. Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века / Д.А. Головушкин; вст. статья Н.С. Гордиенко. – СПб.: «Политтехника-сервис», 2009. – 16,75 п.л. – ISBN 978-5-904030-51-3

2. Головушкин, Д.А. Апостол XX века. Жизнь и творчество о. Михаила (Семенова) / Д.А. Головушкин. – СПб.: «Политтехника-сервис», 2010. – 8 п.л. – ISBN 978-5-904031-66-4

3. Традиционные религии за сильную Россию: религия и политика в многополярном мире: коллективная монография по материалам международной научной конференции (ноябрь 2018 г.) / Л.С. Астахова, Д.А. Головушкин, В.Ю. Лебедев, Р.Д. Панчеев, А.А. Пелин, А.М. Прилуцкий и др.; под ред. А.М. Прилуцкого. – СПб.: Центр этнорелигиозных исследований; Любавич, 2019. – 12,5 п.л. (п.л. авт. 0,4). – ISBN 978-5-86983-896-4

б) статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных экспертным советом ВАК Российской Федерации для публикации основных результатов диссертационного исследования:

4. Golovushkin, D. On the Issue of Religious Tolerance in Post-Communist Russia: National Identity and Religion / D. Golovushkin // Journal for the Study of Religions and Ideologies. – 2004. – № 7. – P. 101–110. – 0,7 п.л.

5. Головушкин, Д.А. Самобытность или заимствование? Феномен обновленчества в русском православии начала XX века / Д.А. Головушкин // Вестник Русской Христианской Гуманитарной академии. – 2013. – Т. 14. – С. 75–84. – 0,9 п.л.

6. Головушкин, Д.А. Обновленчество / старообрядчество: антитеза или объединяющая парадигма? / Д.А. Головушкин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2013. – № 2-1. – С. 288–294. – 0,5 п.л.

7. Головушкин, Д.А. Модернизм в Римско-католической церкви и обновленчество в русском православии в начале XX века / Д.А. Головушкин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 7. – С. 148–155. – 0,5 п.л.

8. Головушкин, Д.А. Русское православное обновленчество в 1922 – 1923 гг.: реформация или церковная революция? / Д.А. Головушкин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 8. – С. 232–240. – 0,5 п.л.

9. Головушкин, Д.А. «Голгофское христианство» старообрядческого епископа Михаила (Семенова) / Д.А. Головушкин // Вестник Русской Христианской Гуманитарной академии. – 2014. – Т. 15. – № 3. – С. 202–211. – 0,6 п.л.

10. Головушкин, Д.А. Феномен религиозного обновления: теоретико-методологические аспекты исследования / Д.А. Головушкин // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 3. – С. 107–115. – 0,6 п.л.

11. Головушкин, Д.А. Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века: социально-философские аспекты концептуализации / Д.А. Головушкин // Религиоведение. – 2014. – № 3. – С. 36–45. – 0,8 п.л.

12. Головушкин, Д.А. Религиозный фундаментализм / религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? / Д.А. Головушкин // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2015. – № 1. – С. 87–97. – 0,9 п.л.

13. Головушкин, Д.А. Религиозное обновление современности / Д.А. Головушкин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 11. – С. 202–210. – 0,6 п.л.

14. Головушкин, Д.А. Понятие «Живая церковь»: к вопросу о происхождении, интерпретациях и смысле / Д.А. Головушкин // Религиоведение. – 2015. – № 2. – С. 43–52. – 1 п.л.

15. Головушкин, Д.А. Религиозный модернизм: границы применимости понятия / Д.А. Головушкин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 13. – С. 210–217. – 0,5 п.л.

16. Головушкин, Д.А. Фундаментализм и ортодоксия: к вопросу о структурно-функциональных особенностях русского православного обновленчества первой половины XX века / Д.А. Головушкин // Вестник Русской Христианской Гуманитарной академии. – 2015. – Т. 16. – № 3. – С. 69–78. – 0,7 п.л.

17. Головушкин, Д.А. Теократический проект русского старообрядчества середины XVII века и православного обновленчества начала XX века: социальная утопия или цивилизационная альтернатива? / Д.А. Головушкин // *Философия и культура*. – 2015. – № 12. – С. 1777–1782. – 0,7 п.л.

18. Головушкин, Д.А. Православный фундаментализм: возвращение к осмыслению / Д.А. Головушкин // *Философская мысль*. – 2016. – № 1. – С. 111–155. – 1,6 п.л.

19. Головушкин, Д.А. Религиозное обновление в русском религиозно-философском дискурсе начала XX века / Д.А. Головушкин // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. – 2016. – Т. 17. – № 4. – С. 254–262. – 0,7 п.л.

20. Головушкин, Д.А. Русская революция и ее религиозно-исторический смысл в полемике церковных и внецерковных реформаторов начала XX века / Д.А. Головушкин // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. – 2017. – № 2. – С. 23–29. – 0,6 п.л.

21. Головушкин, Д.А. Испытание революцией: «политическое богословие» русского православного обновленчества первой четверти XX века / Д.А. Головушкин // *Религиоведение*. – 2017. – № 2. – С. 23–34. – 1,1 п.л.

22. Головушкин, Д.А. Современный православный фундаментализм *or* псевдофундаментализм? / Д.А. Головушкин // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. – 2018. – Т. 25. – С. 92–102. – 0,8 п.л.

23. Головушкин, Д.А. Подходы к изучению и аналитический язык описания русского православного обновленчества первой половины XX века / Д.А. Головушкин // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. – 2019. – Т. 8. – № 4А. – С. 202–207. – 0,4 п.л.

в) Статьи в сборниках научных трудов, материалах конференций.

24. Головушкин, Д.А. Обновленческое движение в Русской православной церкви в первой четверти XX века: уроки несостоявшейся церковной реформы / Д.А. Головушкин // *Церковь, государство и общество в истории России XX века: Материалы II Международной научной конференции, Иваново, 5–6 декабря 2003 г.* – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. – С. 54–60. – 0,4 п.л.

25. Головушкин, Д.А. К вопросу о происхождении записки «32-х» петербургских священников / Д.А. Головушкин // Герценовские чтения 2003: Актуальные проблемы социальных наук. Сборник научных статей. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Факультет социальных наук, 2003. – С. 196–199. – 0,3 п.л.

26. Головушкин, Д.А. Нужна ли России христианская партия? (К вопросу об истории христианско-демократического движения в России в начале XX века) / Д.А. Головушкин // Гражданин. – 2003. – № 2. – С. 107–110. – 0,6 п.л.

27. Головушкин, Д.А. Обновленческое движение в Русской православной церкви (февраль-октябрь 1917 г.) / Д.А. Головушкин // Свобода совести в России: исторический и современные аспекты. Сборник докладов и материалов межрегиональных научно-практических семинаров и конференций. 2002 – 2004 гг. Редколлегия: Е.Н. Мельникова, М.И. Одинцов. – М.: ООО «Остмастер», 2004. – С. 350–359. – 0,4 п.л.

28. Головушкин, Д.А. «Дело» обновленческого священника Г.С. Петрова // Герценовские чтения 2004: Актуальные проблемы социальных наук. 300 лет со дня рождения И.И. Бецкого. Сборник научных и научно-методических трудов. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Факультет социальных наук 2004. – С. 248–251. – 0,3 п.л.

29. Головушкин, Д.А. А.И. Введенский: две судьбы русского реформатора / Д.А. Головушкин // Свобода совести в России: исторический и современные аспекты. Российское объединение исследователей религии. – М.: Российское объединение исследователей религии, 2005. – С. 303–317. – 0,8 п.л.

30. Головушкин, Д.А. Обновленческое движение – феномен городской субкультуры Санкт-Петербурга первой четверти XX века / Д.А. Головушкин // Религиозная ситуация на Северо-Западе России и в странах Балтии (традиции и современность). Сборник статей по итогам II Международной конференции, Санкт-Петербург, 21–22 февраля 2005 г. – СПб.: Светоч, 2005. – С. 57–64. – 0,3 п.л.

31. Головушкин, Д.А. Проблема взаимоотношений церкви и государства в идейных исканиях церковных обновленцев в феврале-октябре 1917 года / Д.А. Головушкин // Церковь, государство и общество в истории России в XX веке. Материалы V Международной научной конференции, Иваново, 8–9 декабря 2005 г. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2005. – С. 28–31. – 0,3 п.л.

32. Головушкин, Д.А. «Петербургские дни» архимандрита Михаила (Семенова): от идей христианского социализма к теологии «новой Голгофы» / Д.А. Головушкин // Материалы по исследованию религиозной ситуации на Северо-Западе России и в странах Балтии. Материалы II международной конференции «Религиозная ситуация на Северо-Западе России и в странах Балтии», Санкт-Петербург, 13–14 марта 2006 г. – СПб.: Издательский дом «Инкери», 2006. – С. 63–70. – 0,3 п.л.

33. Головушкин, Д.А. «Свершилась революция политическая, но может быть грянет революция церковная». Обновленческое движение в Петрограде весной-летом 1917 г. / Д.А. Головушкин // Материалы по исследованию религиозной ситуации на Северо-Западе России и в странах Балтии. Материалы IV конференции «Религиозная ситуация на Северо-западе России и в странах Балтии», Санкт-Петербург, 16–17 апреля 2007 г. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2007. – С. 42–51. – 0,4 п.л.

34. Головушкин, Д.А. Многоликое обновленчество: старая проблема, новые вопросы / Д.А. Головушкин // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы VII Международной научной конференции, Иваново, 13–14 февраля 2008 г. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2008. – С. 64–66. – 0,3 п.л.

35. Головушкин, Д.А. Формирование идеи выхода из синодальной церкви Российской империи в обновленческом движении начала XX века / Д.А. Головушкин // Государство, общество и церковь в истории России XX века: Материалы XII Международной научной конференции, Иваново, 20–21 февраля 2013 г.: в 2 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. – Ч. 1. – С. 105–111. – 0,35 п.л.

36. Головушкин, Д.А. Католический модернизм, протестантский фундаментализм и русское православное обновленчество первой половины XX века: проблемы взаимодействия / Д.А. Головушкин // Yearbook of Eastern European Studies. – 2013. – № 2 – С. 52–69. – 1 п.л.

37. Головушкин, Д.А. Проблемы актуализации и концептуализации курса «Православная культура» в современной российской системе высшего профессионального образования / Д.А. Головушкин // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2013. – № 2. – С. 110–117. – 0,7 п.л.

38. Головушкин, Д.А. Идеиное наследие о. Михаила (Семенова) в оценках современников и отечественных исследователей второй половины XX – начала XXI в. / Д.А. Головушкин // Государство, общество и церковь в истории России XX века: Материалы XIII Международной научной конференции, Иваново, 12–13 марта 2014 г.: в 2 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. – Ч. 2. – С. 29–35. – 0,35 п.л.

39. Головушкин, Д.А. Русское православное обновленчество первой половины XX века и его социально-исторический потенциал / Д.А. Головушкин // Социально-экономические доминанты развития общества: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции, г. Кингисепп, 4 апреля 2014 г. / Девятые Ямбургские чтения: под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова. – СПб.: Ультра-Принт, 2014. – С. 172–176. – 0,3 п.л.

40. Головушкин, Д.А. Развитие идеи «свободной теократии» в русском православном реформаторстве в контексте цивилизационного выбора России в середине XVII и начале XX вв. / Д.А. Головушкин // Формирование единого Русского государства: история и современность. Русский путь. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2014. – С. 136–145 – 0,6 п.л.

41. Головушкин, Д.А. От религиозно-реформаторского движения к церкви: проблемы институционализации русского православного обновленчества в советский период отечественной истории / Д.А. Головушкин // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии / Под ред. А.М. Прилуцкого. – Вып. 3. – СПб.: Скифия-принт, 2014. – С. 62–82. – 1 п.л.

42. Головушкин, Д.А. История становления и развития русского православного обновленчества в начале XX века: новые подходы и новые источники (Рецензия на книгу: Балакшина Ю.В. Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников, 1903–1907): Документальная история и культурный контекст. – М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014.) / Д.А. Головушкин // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 1. – С. 197–207. – 0,5 п.л.

43. Головушкин, Д.А. Образ обновленчества и обновленцев в русской литературе 1920-х гг. / Д.А. Головушкин // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 4. – С. 458–474. – 0,6 п.л.

44. Головушкин, Д.А. Смысл и историческое значение социально-политического проекта русского православного реформаторства середины XVII века / Д.А. Головушкин // Роль русской православной церкви в становлении и развитии российской государственности. Материалы всероссийской научно-практической конференции 20 ноября 2014 года, г. Ярославль. – Ярославль: ООО «Специализированный полиграфический комбинат», 2015. – С. 295–302. – 0,35 п.л.

45. Головушкин, Д.А. От противопоставления к коэволюции: смена парадигмы в изучении религиозного фундаментализма и религиозного модернизма / Д.А. Головушкин // Религиозная ситуация на Северо-Западе: проблемы социокультурных идентичностей. Материалы международной научной конференции состоявшейся 9–10 марта 2016 г. в Санкт-Петербурге. Сер. Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований. – СПб.: Центр этнорелигиозных исследований; Любавич, 2016. – С. 123–134. – 0,4 п.л.

46. Головушкин, Д.А. Жизнь и творчество старообрядческого епископа Михаила (Семенова) в оценках современников / Д.А. Головушкин // Эпоха князя Владимира и развитие Российской государственности. Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1000-летию с благоверной кончины князя Владимира / под. ред. Ю.Ю. Иерусалимского. – Ярославль: б.и., 2016. – С. 350–357. – 0,4 п.л.

47. Головушкин, Д.А. Религиозный модернизм: концептуально-терминологические аспекты дискурса / Д.А. Головушкин // Религиозная ситуация на Северо-Западе: ткань традиции и вектор конфессиональной эволюции. Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований. – Т. 2 (6). – СПб.: Центр этнорелигиозных исследований; Любавич, 2017. – С. 70–86. – 0,4 п.л.

48. Головушкин, Д.А. Христианский фундаментализм: концептуально-терминологическое пространство дискурса / Д.А. Головушкин // Христианство: pro et contra, антология. – 2-е изд., испр. и доп. / Сост.: Д.К. Богатырев, А.М. Прилуцкий; вступ. статья Д.К. Богатырева. – СПб.: РХГА, 2017. – С. 936–961. – 1,1 п.л.

49. Головушкин, Д.А. Диалектика религиозного обновления: светский и христианский взгляд / Д.А. Головушкин // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии / Под ред. А.М. Прилуцкого. – Вып. 6. – СПб.: Скифия-принт, 2017. – С. 108–125. – 0,9 п.л.

50. Головушкин, Д.А. Коррелятивность мистического и рационального. Разработка модели взаимоотношений церкви и государства на Поместном соборе 1917–1918 гг. / Д.А. Головушкин // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 7. – С. 120–129. – 0,8 п.л.

51. Головушкин, Д.А. Фундаментализм: проблема дефиниций, измерений, векторов / Д.А. Головушкин // Экспертная деятельность в сфере гуманитарных наук. Сборник материалов международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22–23 марта 2019 г. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2019. – С. 130–136 – 0,4 п.л.

г) учебники, учебные пособия

52. Религиоведение: учебное пособие для студентов педагогических вузов / Головушкин Д.А., Гончаров С.А., Григоренко А.Ю., Кудряшев В.М., Левит И.В., Ленков П.Д.; под ред. А.Ю. Григоренко. – СПб: Питер, 2008. – 507 с. – 32 п.л.

53. Религиоведение: учебник для юридических вузов МВД России / Артемов А.А., Балахонский В.В., Головушкин Д.А., Григоренко А.Ю., Кудина В.А., Ленков П.Д., Прилуцкий А.М., Хвыля-Олинтер А.И.; под ред. В.В. Балахонского, В.А. Кудина, А.А. Артемова. – СПб: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2013. – 248 с. – 27 п.л.